

Татьяна
ТРОНИНА

*Роза прощальных
ветров*

*истории
любви*

Татьяна Трoнина

Роза прощальных ветров

«ЭКСМО»

2007

Трoнина Т. М.

Роза прощальных ветров / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2007

Двадцать лет эта женщина с немодным именем Роза была счастлива, находясь в браке с Николаем. Что ж, с нее хватит – решила Марина. Теперь пора взять его в свои руки и изменить статус тайной любовницы на роль законной жены. Ведь она молода, красива – чего никак нельзя сказать о сорокалетней Розе, этой полной косоглазой простушке. Наметив план операции, Марина появилась в доме соперницы и раскрыла ей свои карты. Однако... Роза-мимоза отреагировала как-то странно. Да и выглядеть стала лучше. Неужели она что-то почувствовала, а потому, чтобы понравиться мужу, резко сменила имидж и решила бороться за свои права на него до конца?..

© Трoнина Т. М., 2007

© Эксмо, 2007

Татьяна Тронина

Роза прощальных ветров

* * *

– С вас тысяча, – заявил таксист, остановив машину у низенького деревянного заборчика.
– Ско... скоко?! – потрясенно спросил Неволин. В голове шумел и перекатывался девятый вал, в желудке отчаянно пекло, но тем не менее Неволин еще не утратил ориентиры реального мира.

– Тысяча, – невозмутимо повторил таксист.

– Мы же на семьсот договаривались! – обиделся Неволин. Стоило ему хоть немного принять на грудь, как в нем вспыхивало повышенное чувство справедливости, а если учесть, что сегодня он выпил более чем достаточно, то праведный гнев просто обжег его!

– А в пробке сколько стояли? – вздохнув, напомнил таксист. – Я, между прочим, предупреждал, что беру не за километраж, а за время.

– А кто тебя просил через Сушевку ехать?! Ясное дело, там всегда пробки! – дрожащим от возмущения голосом произнес Неволин. – Ты дурак, да?

– Попрошу без оскорблений, – в голосе у таксиста появился металлический холодок. – Будете расплачиваться, или как?

Ясное дело, он намеревался ободрать своего пассажира как липку, видя, что тот пьян. Константина Неволина буквально затрясло от подобного нахальства. Он помотал головой, пытаясь избавиться от шумевшего в голове прибоя.

– Ты это... ты зачем по Осташковскому ехал? Я же просил по Дмитровскому!

– Вы меня еще учить будете! – ехидно усмехнулся таксист.

– Ну ты жлоб... – выдохнул Неволин, с трудом преодолевая желание набить зарвавшегося водиле морду. А так хотелось! Но ничего, он убьет его своим благородством... Неволин нашарил в кармане куртки кошелек, достал купюру и попытался сфокусировать взгляд. Кажется, оно... то есть она, искомая тысяча рублей. – На! На, подавись!

Водитель выхватил из его дрожащих пальцев купюру и презрительно хмыкнул.

– Развелось... развелось тут, понимаешь, всяких! – Неволин попытался подобрать определение, какими именно были эти «всякие», но слова странно ускользали от него. – Ишь...

Он с трудом нашарил ручку на дверце и вылез из салона. Схватился за низенький забор, поскольку шторм вокруг продолжал бушевать. Такси немедленно сорвалось с места и исчезло за поворотом.

«Правильно хоть он меня привез? – попытался сосредоточиться Неволин, шаря взглядом по облупленной розово-желтой стене. – Ага, дом два. Тихая аллея, дом два... Кажется, тут!»

Он наклонился вперед сильнее, чем надо, и законы физики немедленно напомнили о себе. Земное притяжение, центр тяжести и все такое прочее... Словом, Константин Неволин перевалился через забор и упал лицом в кучу прелой прошлогодней листвы, из которой уже начали проклевываться первые зеленые ростки.

– О-па... – растерянно пробормотал он, смахнув со лба скользкий лист. – Ну и дела!

Лежа на земле, он едва не расплакался от нестерпимой обиды на забор, который так жестоко и нагло подшутил над ним.

Впереди была деревянная скамейка. Неволин с трудом подполз к ней, отдышался, потом попытался сесть. Остатки разума подсказывали ему, что являться в таком состоянии в гости просто неприлично.

Поэтому, взгромоздясь на скамейку, Константин Неволин дал себе задание сидеть на ней не меньше получаса и глубоко дышать. Он и дышал – до тех пор, пока не почувствовал, что его сейчас начнет тошнить. «Мама дорогая, да что это такое! – мысленно возопил он, покрываясь противным холодным потом, который обычно предшествует приступу дурноты. – Никогда, больше никогда – ни капли!..»

Дом перед ним был еще довоенной постройки, очень старый и неприглядный, скорее напоминающий барак. Одноэтажный, с покосившейся черной крышей и несколькими подъездами, отгороженными друг от друга все тем же низким заборчиком – то есть у каждого жильца был свой, отдельный вход. Некая пародия на таун-хаусы, очень модные нынче – опять же, если учитывать, что дом находился в пригороде...

На окнах – решетки.

Из соседнего подъезда выползла грузная старуха в черном широком пальто, прозрачной капроновой косынке, прикрывавшей на голове огромный пучок серо-желтых волос, – кажется, такие пучки назывались «бабеттами» и были модны лет тридцать назад, точно так же, как и капроновые платки. Глаза у старухи были навывкате, и потому Неволину показалось, что она недобро зыркнула на него. Моментально он распрямил спину и попытался сделать непринужденное лицо – дескать, сидит себе человек на лавочке, ну и что такого?..

На поводке у старухи была мелкая вертлявая собачка черной масти. Она увидела Неволина, просеменила к забору и раздраженно-растерянно тявкнула. Потом понюхала воздух, убедилась, что человек этот посторонний и вовсе ей незнакомый, и тогда уж от души залилась визгливым, истеричным лаем.

– Молодой человек, вы к кому? – крикнула старуха властным голосом. – Киса, да тише ты...

«Киса? Ничего себе кличка у собаки...» – подумал Неволин и любезно сообщил:

– Я кх-х... я к-хра... я к Ахрамковым!

Старуха ничего не ответила, отвернулась и пошла на улицу, таща за собой истеричную Кису, которая все еще продолжала оглядываться на Неволина и заливаться пронзительным лаем, от которого у него даже во рту стало кисло, словно пришлось глотнуть уксуса.

Неволин сморщился, снова мужественно преодолевая приступ дурноты, и взглянул на часы – была половина девятого.

Оранжевое вечернее солнце почти сползло к горизонту, и оттого на просвет ветки у растущего сбоку кустарника казались черными, точно выкованными из железа. Они сплетались в сложные пентаграммы, разгадывать которые у Неволина не было сил...

Еще днем было тепло, почти жарко – плюс пятнадцать, что удивительно для начала апреля, но к ночи стало неизбежно холодать. Неволин поежился – одет он был довольно легко – и тут почувствовал, что его внутренний шторм постепенно начал стихать. Наверное, прохлада и свежий воздух все-таки подействовали...

Он попытался встать, и это ему удалось. Сделал шаг вперед – и не упал. Почти уверенно добрал до двери, над которой висела табличка с номером квартиры, нажал на звонок.

«Кирилл, Нина, я очень извиняюсь, но у меня не было другого выхода! Конечно, надо было предупредить вас заранее, но мы поссорились с Лизой, и я...» – мысленно репетировал Костя, но стоило ему вспомнить о Лизе, как он снова почувствовал тяжелую, горькую обиду, от которой хотелось рыдать в голос.

Дверь распахнул не Кирилл и даже не его жена Нина, а какая-то совершенно незнакомая тетка в байковом фиолетовом халате до пола.

– Вы к кому? – буркнула она.

Тетка была немолодой и выглядела весьма непрезентабельно – толстая, рыжая (жидковатые волосы сколоты где-то сбоку и лежали на плече, словно ободранный лисий хвост), бледная, в стоптанных красных тапочках с вытянутыми мысами, которые снизу торчали из-под

халата, словно клоунские башмаки. И еще косоглазая в придачу. Словом, как и должна была выглядеть типичная тетка из пригорода, которую внезапно оторвали от ежевечернего телевизионного ток-шоу. «Наверное, какая-нибудь родственница...» – подумал Неволин и произнес, стараясь дышать в сторону:

– Я к Кириллу. К Кириллу Ахрамкову. К Кириллу и Нине.

– Их нет, – сказала тетка и попыталась захлопнуть дверь.

– Как это – нет? – искренне удивился Неволин и сунул ботинок в щель, не давая ей захлопнуть дверь окончательно. – А где они?

– Я же говорю – уехали! – сердито повторила тетка. – Сегодня утром вещи погрузили и уехали.

– Вещи?.. – Неволин был в недоумении. И только потом его озарило – ну да, Кирилл упоминал, что дом, в котором они с Ниной купили квартиру, уже достроили, оставалось лишь сделать небольшой ремонт. Неужели сделали? Так быстро?..

– Ну, что еще?

– А... а вы кто? – растерянно спросил Неволин, пытаясь поймать ускользающий теткин взгляд.

– Я хозяйка... Это они у меня квартиру снимали.

– А-а... – пробормотал он и убрал ногу. Дверь немедленно захлопнулась.

Неволин поплелся назад и снова уселся на скамейку. В свете открывшихся новых обстоятельств он пока еще не знал, что делать дальше. Кирилла с Ниной нет, это печально, но не смертельно... «Еще полчаса здесь посижу, оклемаюсь и поеду в Москву. К Лужиным. Или Юрке Рубину. Нет, у Лужиных младенец, к ним нельзя... К Юрке, точно, – подумал Неволин. – Да, к Юрке! Хотя нет, к Юрке теща приехала из Саратова... Нет, к Юрке тоже не получится».

Он стал ломать голову над тем, у кого можно переночевать, старательно избегая воспоминаний о самой причине, по которой не может вернуться в свой собственный дом.

Старуха с Кисой возвратились с прогулки. И старуха, и вертлявая Киса были явно недовольны присутствием чужака в их палисаднике – Киса снова обляяла Неволина, а старуха, перед тем как скрыться за дверью, обдала его неприязненно-надменным взглядом.

По всему выходило, что ехать Неволину не к кому. Он ведь и подался сюда, в Камыши, именно потому, что краешком сознания, еще остававшимся трезвым, сообразил – кроме Ахрамковых его никто приютить не сможет. Ахрамковы – милейшие люди, живут вдвоем, сын их – у бабки, Нинкиной матери, в другом городе. В их съемной квартире целых две комнаты – Кирилл не раз упоминал. Хозяйка живет в другом месте, у мужа. То есть будет где заночевать, никого не стесняя... Только кто мог знать, что этим утром они уже съедут отсюда!

Мимо пробежал, размахивая потрепанным портфелем и не глядя по сторонам, плотный мужик в клетчатом пиджаке, со светлыми игривыми кудрями вокруг изрядной плечи на макушке. Скрылся в следующем за старухиным, третьем, подъезде. И стало тихо.

Минут через десять после мужика появилась полная дама в блестящем серебристом плаще, с гривой роскошных темных волос и блестящей сумочкой на цепочке, перекинутой через плечо. Мельком посмотрела на Неволина и остановилась возле забора. Достала из сумочки сотовый, но номер набрать не успела – мимо, шурша шинами, проехал «Мерседес» с тонированными стеклами, на секунду притормозил, и из него выпорхнула юная блондинка в коротенькой курточке и брючках с заниженной линией талии, отчего поясница, а также плоский животик (в пупке блеснул камешек – пирсинг!) были выставлены на всеобщее обозрение.

«Мерседес», шурша шинами, немедленно скрылся.

Дама в блестящем плаще спрятала в сумочку сотовый и дала девице подзатыльник.

– Анжелка, дрянь такая! Я тебе сколько раз говорила – одевайся теплее! Сейчас не май месяц, почки себе застудишь...

– Ма, мы в боулинг целый день играли, я на улицу даже не выходила, только от двери до двери... – огрызнулась юная блондинка, скорее всего – дочь разгневанной дамы.

– От двери до двери... Дрянь какая! Я эту твою куртку выкину, дождешься!..

«Анжелка... Анжела, Анжелика? Анжелика, маркиза ангелов!» Неволин проводил их заинтересованным взглядом. Они скрылись в том же подъезде, куда перед тем вошел мужик в клетчатом пиджаке. Ага, значит, тот, скорее всего, был отцом этого славного семейства.

Если бы Константин Неволин не напился, то никаких проблем не было бы – у него имелось собственное авто. Вполне приличная «немка», всего-то пяти лет от роду... Хотя что толку о ней сейчас вспоминать! Неволин вздохнул и достал из кармана кошелек. До Москвы можно было добраться на электричке, но, будучи реалистом, он чувствовал, что для него этот вариант совершенно непригоден. Если бы не те двести грамм коньяка, что он принял в каком-то кафе «на посошок»...

В кошельке ничего не было. Только несколько железных монеток. «Господи, были же деньги!» – похолодел Неволин, снова чувствуя, как возвращается приступ дурноты. Он обшарил все отделения кошелька, потом скрупулезно, раза три, исследовал содержимое карманов. Не было ни денег, ни телефона. Ни-че-го.

«Сначала я сидел в забегаловке на углу. Пил пиво. Две кружки по ноль пять. Потом заказал водки. Сколько? Не помню, водка была в графине... Потом познакомился с каким-то Гошей, и мы пили с ним на заднем дворе, за мебельным. Потом вроде бы подошли Гошины друзья, милейшие люди. Потом... ну да, я тогда окончательно понял, что домой вернуться не смогу, и пошел в то кафе. С Гошей или без? Господи, я ж отдал этому жлобу последнюю тыщу! И где телефон, главное?..» – хлопал себя по карманам Неволин.

Мимо, напевая красивым баритоном, прошел мужик в спецовке.

– Привет! – приветливо крикнул он Неволину.

– Привет... – хмуро отозвался тот.

Мужик скрылся в последнем, четвертом, подъезде.

«Значит, так – ни денег, ни телефона. Один. Не пойми где, в каких-то Камышах. Брошенный...» Неволину вдруг стало так жалко себя, что он едва не завыл на бледную луну, выплывшую из облаков. Лиза, как ты могла!..

Лиза.

Они познакомились два года назад, зимой, на катке в парке Горького. Она была в короткой шубке белого цвета, с поднятым пушистым воротником. На ногах, которым позавидовала бы любая топ-модель, – то ли брюки, то ли рейтузы, тоже белого цвета. Белые коньки. И на контрасте – черные короткие волосы, темные огромные глаза. Снег сверкал на ее воротнике, на гладкой челке, на ресницах, на губах сияла счастливая улыбка. Лиза смеялась...

Это сочетание черного и белого, это сияние, этот звонкий смех поразили Неволина. Плюс ко всему – темно-синее вечернее небо, хрустальный свет фонарей, музыка, которая как-то особенно нежно и отчетливо звучала в морозном воздухе...

На каток его вытащили Лужины (глава семейства – армейский друг Неволина), у которых тогда еще не было никакого младенца. Лужины были спортивной парой и обожали подобные развлечения. Коньки, лыжи, ролики, велосипеды... Он же, Неволин, вставал на лед в последний раз лет двадцать пять назад, во время дворового первенства по хоккею.

Увидев Лизу, Неволин очень пожалел, что так мало времени уделял спорту. Лиза каталась превосходно. Но тем не менее осмелился и неуклюже подкатил к ней – благо понял, что та была одна. Одна, почти ночью, свободная и веселая... О такой девушке можно было только мечтать. К Неволину она, как ни странно, отнеслась довольно благосклонно – и скоро уже всю смеялась его шуткам.

С катка они ушли вместе.

Лизе Ионовой тогда было двадцать пять лет (почти на десять лет младше Невוליной), она жила с матерью и двумя младшими братьями и потому старалась как можно меньше времени проводить дома. Работала менеджером в конторе, продающей биологические добавки.

Через неделю она уже переехала к Неволину.

Эти два года, что они прожили вместе, казались ему самыми приятными в жизни. Лиза была удивительной девушкой – легкой и веселой. Она обладала редким качеством – никогда ни в чем не сомневаться, и потому горечь сожаления по поводу того, что сделано или что не сделано, почти не терзала ее. На фоне рефлексирующей московской публики Лиза смотрелась очень выгодно.

Кроме того, другой ее особенностью было то, что она была очень рассудительной девушкой. Покупала одну хорошую вещь вместо десяти дешевых; если нехватка времени вынуждала ее перекусывать на ходу, то походу в «Макдональдс» предпочитала обычную булочку с кефиром (оно здоровей и полезней!) и даже более того – если денег хватало только на трехзвездочный отель, отпуск проводила дома.

То ли у нее действительно не было никаких недостатков, то ли Костя Неволин так сильно любил ее?..

Впрочем, была у нее одна слабость: Лизу завораживали редкие вещи – ручной работы или те, что были в единственном экземпляре. Эксклюзив, одним словом. Поэтому выбрать подарок ей было нелегко – приходилось облазить все блошинные рынки и художественные галереи, прежде чем найти что-нибудь действительно стоящее. Например, домотканую сумочку с ручной вышивкой, сделанную карпатской крестьянкой лет тридцать назад. Или страшную маску из Габона, призванную отгонять злых духов, – из какого-нибудь особо редкого, ценного дерева, коих на Земле осталось всего два-три... Или статуэтку из бивня мамонта, продаваемую из-под полы (потому что продавец с бегаящими глазами торопливо уверял, что именно за этой статуэткой гонится толпа коллекционеров, а знатоки из музея Востока просто ее с руками готовы оторвать!).

У Лужиных на крестинах младенца они познакомились с Робертом Куракиным. Поначалу Неволин никакой угрозы от Куракина не ощутил – он оказался застенчивым молодым мужчиной с длинными волосами, собранными на затылке в хвост. Джинсы, свитер, кроссовки – все дешевое, рыночное, китайское, что изначально должно было оттолкнуть Лизу... Типичный программист!

И только потом выяснилось, что Куракин никаким программистом не был, а являлся самым настоящим поэтом, стихи которого печатались в толстых журналах – это раз, и, кроме того, носил титул князя – это два. В жилах хвостатого Куракина текла дворянская кровь, и при таком раскладе уже не имело значения, что на нем надето и какую прическу он носит. Князь-поэт!

Даже потом, когда Неволин узнал про Куракина эти подробности, он тоже не особо обеспокоился. Князь – и одновременно поэт... Анекдот какой-то, реклама для богемных вечеринок!

Но обеспокоиться следовало! Следовало всегда помнить о склонности Лизы ко всему особенному, эксклюзиву. А что, если дело касалось не только вещей, но и людей? Ведь тут и князь, и поэт... Редкий экземпляр!

Сегодня у Невוליной никаких срочных дел не было, и потому он свалил с работы сразу после обеда, намереваясь сделать Лизе сюрприз – она сидела дома с легкой простудой.

И, уже подъезжая, он неожиданно увидел Лизу в обществе Куракина. Они шли по улице и мило беседовали... Неволин сбросил скорость и медленно поехал за ними. Он не относил себя к ревнивцам, которые устраивают скандалы по пустякам, никогда не считал женщину, живущую рядом с ним, своей собственностью, безусловно уважал Лизу. Но сердце в нем дрогнуло, когда он увидел рядом со своей чудесной Лизой этого хвостатого уродца...

Во-первых, Лиза должна была лежать дома с простудой, а не бродить по улицам – несмотря на то, что было плюс пятнадцать. Кто не знает коварства весеннего ветерка!

Во-вторых, Лиза ничего не говорила о том, что собирается с кем-то встречаться.

В-третьих, какого черта они держатся за руки, точно подростки?!

В-четвертых, почему они так увлечены разговором, что ничего не замечают вокруг? Почему у них такие странные лица, словно они беседуют о чем-то сокровенном и чрезвычайно увлекательном? Ну, Куракин-то ладно, а Лиза?! Разве Куракин может ей нравиться?..

А потом случилось и вовсе невообразимое – Куракин нежно обнял Лизу и погладил ее по голове. Казалось бы, жест совершенно невинный, ничего не значащий, даже дружеский... Но это было даже хуже того, чем если бы Неволин застал Лизу с Куракиным у себя дома, в постели. В этих объятиях было столько нежности, приязни, теплоты, так сияло спокойным счастьем Лизино лицо!..

Неволин ударил по газам и промчался мимо этой парочки. Он понял, что не в силах видеть Лизу рядом с Куракиным. «Ладно, вечером разберемся...»

В соседнем квартале он зашел в какую-то забегаловку и залпом выпил две кружки пива. Его точно жажда какая мучила. Жажда правды. Кто она, эта Лиза? Какая она? О чем таком особенном они говорили с Куракиным, почему глядели друг на друга с такой нежностью?

А потом он понял – кого ей любить, как не этого князя, к тому же занимающегося творчеством? Ведь он, Неволин, – жалкий плебей. Технарь. Воплощение стандарта и обыденности.

Даже если Лиза еще не решила ничего про себя с Куракиным, Константин Неволин уже знал про нее – она этого Куракина любит. Еще не догадывается, но уже любит. И плевать ей на все условности, на все прочее – Лиза ведь свободна, она всегда была свободной...

Это открытие настолько поразило Неволина, что домой он не пошел, Лизе звонить не стал, а отправился в свое скорбное странствие по значным местам, которое закончилось здесь, в Камышах.

И вот теперь, страдая духовно и физически, он сидел на скамейке и точно замороженный смотрел вперед.

А там, в освещенном окне, сидела перед телевизором тетка в фиолетовом халате и грызла большое яблоко – слишком красивое для того, чтобы быть настоящим и полезным. Продукт генной инженерии, привезенный из-за границы. Лиза никогда не ела таких яблок, дожидаясь конца лета, чтобы попробовать настоящего подмосковного яблочка, пусть и не столь идеального вида...

Неволин напряг память – как же все-таки зовут эту тетку? Кирилл как-то упоминал... «Ах да, Роза! Ну конечно же – Роза!» Неволин попытался засмеяться, но из груди вырвался какой-то жалобный, булькающий звук.

Роза, а по соседству – Анжелика. Наверняка ту даму в блестящем плаще звали тоже соответственно – Генриеттой, например, или Виолой. Господи, и зачем только некоторые называют своих детей подобными именами, совсем не сочетающимися с окружающей обстановкой?.. Живут такие Генриетты и Виолы в каких-нибудь бараках, месяц по весне грязь резиновыми сапогами, держат в «ракушках» ржавые «Москвичи» и «жигуленки», мечутся по рынкам вдоль железнодорожных платформ, выскивая товары подешевле, воюют со своими хулиганистыми отпрысками, лепят на щеки самодельные маски из огурцов, плачут над глупыми сериалами...

Неволин не считал себя снобом, однако к пафосным заграничным именам относился скептически, особенно с сегодняшнего дня.

Ведь его соперника звали Робертом. Князь Роберт Куракин... Почитать бы его стишки! «А если он гений? Я же не особенно разбираюсь в литературе... Новый Пушкин! Или Бродский, на худой конец... Возможно, Лизка почувствовала, какой он особенный, этот дворянин с хвостиком?..»

Неволин с ненавистью посмотрел на тетку в окне. Она догрызла яблоко и теперь бесцельно нажимала кнопки на пульте.

Ужасное место, ужасные люди, ужасное всё.

И как этой тетке не противно здесь находиться – сидеть в этом фиолетовом халате, бессмысленно тарашась в телевизор? На месте тетки Неволин давным-давно бы повесился. Или он чего-то не понимал?..

* * *

Роза (Rosa) – род растений семейства розоцветных. Известно около 400 дикорастущих видов (шиповников). Розы – кустарники высотой от 15 сантиметров до 2 метров, побеги обычно покрыты шипами. Цветки простые или махровые, диаметр от 2 до 15 см, ароматные, реже без запаха...

(Из популярной энциклопедии.)

* * *

...В Камыши ехать не хотелось, но надо было. Родное гнездо как-никак! Будет грустно, если грузчики снесут шкафом люстру, расцарапают дверь. Или, например, вынесут ненароком хозяйское кресло вместе с вещами постояльцев.

В постояльцах – Нине и Кирилле Ахрамковых – Роза почти не сомневалась, они были людьми порядочными, за все шесть лет их проживания не доставили практически никаких хлопот. Но они могут и не уследить за всем. И потом, надо же с ними попрощаться по-человечески...

Ахрамковы были приезжими, работали день и ночь, основали в Москве небольшую фирмочку по продаже компьютерных программ, копили деньги на свою квартиру, сэкономили на всем. Поэтому им гораздо выгоднее было жить в пригороде.

У них был сын, семилетний мальчик, который жил у бабушки, и Ахрамковы все время переживали из-за того, что ребенок растет не с ними. Но в том городе, откуда приехали Ахрамковы, совсем не было работы и, главное, был очень вредный химический завод, отравляющий воздух черной едкой пылью...

Роза приехала в Камыши к часу дня, поставила машину в гараж (за домом, на пустыре, была выстроена шеренга «ракушек»), но когда пришла в дом, обнаружила, что вещи постояльцев уже вывезли. И особых повреждений на первый взгляд квартира не претерпела.

– Вот, Роза Витальевна, уезжаем, – грустно сказал Кирилл Ахрамков, весь заросший неровной черной бородой, чем всегда напоминал Розе геолога.

– Почему же так грустно? – улыбнулась Роза.

Ахрамков только пожал плечами.

– Не грустно, а страшно, – поправила мужа Нина, сухощавая блондинка, не вылезавшая из джинсов – она, в свою очередь, напоминала Розе внезапно постаревшую девочку. Хотя была совсем не старой – всего тридцать шесть, моложе ее, Розы... – Страшно начинать новую жизнь. Женечка в конце мая придет, мы его уже в первый класс записали...

Нина вдруг упала на стул и тихо заплакала.

– Нет, это, конечно, глупо, но... – забормотала она уже сквозь слезы. – Но мы столько лет этого ждали, столько сил вложили!

Роза сама чуть не заревела – так ей жаль стало Нину и Кирилла, которых даже счастье уже не радовало.

– Перестань, Нина... – вяло вздохнул Кирилл.

– Роза Витальевна, вы тут новых жильцов поселите? – спросила Нина сквозь слезы. – Да?..

– Не знаю... Может быть. Хотя где я еще таких хороших жильцов найду? – попыталась пошутить Роза.

– Значит, мы можем на вас рассчитывать в ближайшее время, если... если что-то случится? – робко спросила Нина.

– Нина, перестань! – с раздражением сказал Ахрамков. – Ну что еще должно случиться?.. Дом построили, ремонт сделали, мебель перевезли, все честно, все официально, деньги заплатили... Кто нас оттуда выгонит?! Все будет хорошо, если, разумеется, не случится в ближайшее время землетрясение и не разрушит наш дом по кирпичику.

– Не накаркай, Кирюша!

– Сама не накаркай! Нет, ну что с ней делать, Роза Витальевна... – в отчаянии произнес Ахрамков. – Давайте хоть посидим немного перед дорогой.

Нина накрыла на стол, Кирилл открыл бутылку вина.

– Кира, ты за рулем...

– Господи, да я только глоток, символически!

Вино показалось Розе кислым и невкусным.

– Как Светочка? – выпив вина и порозовев, немного оттаяла Нина.

– Светочка? Она сейчас у Колиных родителей живет, у бабушки с дедушкой то есть, – сказала Роза. – Там институт через дорогу, ей никуда ездить не надо. Очень удобно. А старики уж как рады...

– Сколько ей?

– Двадцать.

– Ого, большущая! – покачал лохматой головой Ахрамков. – Но ничего, наш Женька тоже скоро вырастет. А у Николая как дела?

– Неплохо, – улыбнулась Роза. – Работает. Собирается еще один магазин открыть, на Соколе.

– Ого! – уважительно пробормотал Кирилл. – Молодец. Что ж, передавайте ему привет!

– Обязательно! – горячо обещала Роза, хотя прекрасно знала, что ее муж ни в каких приветах не нуждается. Он, московский бизнесмен (далеко не миллионер – продажа обуви особой сверхприбыли не приносила, но тем не менее...), относился к приезжим Ахрамковым свысока. Кто они такие, чтобы он, Николай, нуждался в их приветах, в их одобрении, их оценках...

«Зачем тебе нужна эта халупа в Камышах? – не раз с раздражением говорил он жене. – Чего ты за нее цепляешься?.. Продала бы давным-давно!» – «Коля, я не могу, это ведь, можно сказать, родовое гнездо... Я там все детство провела, там папа-мама жили!» – «Вот именно – гнездо! – хохотал Николай. – Настоящий курятник!»

Роза знала, что Николай немного кривит душой – те деньги, которые платили жильцы, шли Розе, что называется, «на булавки». Деньги небольшие, но на Николая время от времени нападали приступы скупости – жизнь вынуждала. Все его капиталы были пущены в оборот, на расширение дела, и свободных средств вечно не хватало. Если бы квартира в Камышах действительно раздражала Николая, то он давным-давно заставил бы жену от нее избавиться.

Роза никогда на него не обижалась – такой уж он был, таким сделала его жизнь. Он мог подарить ей массивный золотой браслет и в то же время пожаловаться на санэпидемстанцию, которая нагрянула к нему с очередным визитом в один из филиалов и потребовала очередной взятки... «Эти СЭСы и пожарные меня разорят! Нет, ты не представляешь, какой бардак творится в нашей стране... – жаловался он Розе. – Если так все будет и дальше, то мы действительно скоро по миру пойдем!..» А когда слышал, как живут настоящие «богатые» – те, у которых были дома в Жуковке и у которых даже домработницы ходили в униформе от Армани, то настроение у него портилось на целую неделю.

Наверное, именно поэтому он столь пренебрежительно относился к Ахрамковым – ведь они стояли еще ниже его по социальной лестнице.

«Ради нас со Светой он бьется точно рыба об лед, еще своим родителям помогает... – не раз думала Роза. – Святой человек!» А потому весьма снисходительно относилась к мужу, позволявшему себе иногда покапризничать.

Ахрамковы сердечно попрощались с Розой, Нина снова расплакалась, садясь в потрепанную «пятерку». Кирилл погудел на прощание.

– Пока-пока! – помахала рукой Роза, стоя на крыльце и щурясь от весеннего яркого солнца. У нее тоже было как-то беспокойно на сердце...

Она вернулась в дом.

В шкафу нашла старый халат, переделалась, заколола волосы и принялась убираться. «Ничего, снова кому-нибудь сдам квартиру, опять будет Коле хоть какая-то помощь!»

Кроме сдачи квартиры, у Розы был и другой источник дохода – она подрабатывала в одной небольшой фирме бухгалтером, сделно, брала иногда на дом заказы. Готовила платежные документы, выставяла счета-фактуры, обрабатывала первичную документацию...

Она, конечно, хотела бы помогать мужу, а не чужим людям, но Николай когда-то решил, что супругам не стоит пересекаться еще и в рабочее время, это может испортить отношения. Это, в общем, было верное решение – иначе как бы они сумели прожить вместе столько лет?..

Роза вымыла окна, протерла оставшуюся мебель, отскоблила полы, выкинула кучу мусора, оставшуюся после отъезда Ахрамковых, – какие-то коробки, старые газеты, тряпки... В седьмом часу почувствовала, что страшно устала, и решила здесь заночевать.

Она достала сотовый из сумочки и тут с досадой обнаружила, что батарейка разрядилась. Обычного, городского, телефона в этой квартире не было – только у соседей. В свое время Роза, постоянно живущая в Москве, не побеспокоилась об этом...

Она накинула на плечи пальто и пошла к Вершининой.

– Анна Леонардовна, добрый вечер! От вас можно будет позвонить?.. – только и успела сказать она, как из кухни выскочила Киса и залилась пронзительным лаем.

– Добрый вечер, Розочка, – с подчеркнутой любезностью ответила Вершинина, стараясь перекрыть собаку. – Киса, это же свои! Неужели ты не узнала Розу? Киса!

– Анна Леонардовна, я бы не стала беспокоить, но у меня в сотовом батарейка села...

– Киса, это же свои! Свои!.. – уже в полный голос вопила Вершинина.

Киса, загадочная помесь карликового пинчера с еще какой-то мелкой породой, впала в нечто вроде истерики. Она прыгала на дрожащих тонких лапках вокруг Розы и заливалась лаем. Видимо, Киса никак не хотела признавать в Розе свою.

– Розочка, ты от Аникеевых лучше позвони, – сквозь лай пробился старухин голос.

Роза пошла к Аникеевым, но там ей никто не открыл: вероятно, Варвара и ее муж Юрий были на работе, а восемнадцатилетняя Анжела усвистала на очередное свидание.

Оставался только Серега Козырев, последний их сосед, но к нему Розе не очень-то хотелось идти. Серега работал на вагоноремонтном заводе слесарем и последние двадцать лет серьезно пил.

При всем при том он являлся милейшим человеком, даже более того – Роза помнила, каким просто необыкновенным юношей он был, старостой класса, активистом, надеждой школы, и все такое прочее... Но тем печальнее было наблюдать распад.

Все-таки она пересилила себя и постучалась к Козыреву. Тот был дома.

– Розка! – обрадовался он, как ни странно – трезвый. – Ну, заходи... Сто лет тебя не видел! Что, съехали сегодня твои жильцы?

– Ага... Сереженька, мне только позвонить, я на минутку...

– Да хоть на две! Хоть на сколько!

Козырев, в ветхом линиялом спортивном костюме, пропустил ее в квартиру. В полутемной прихожей пахло машинным маслом, у стены с наполовину ободранными, в желтых пятнах обоями лежали какие-то инструменты.

В комнате было пусто. Матрас, стол, стул, голая лампочка, подвешенная к потолку, заматанный изолентой телефон на пыльном подоконнике. И шеренги пустых бутылок... Сердце Розы дрогнуло от привычной жалости. Она вдруг очень остро почувствовала, насколько далека от этого дома в Камышах, от этих людей, от своего прошлого... Таких мыслей допускать было нельзя, и Роза решительно сняла телефонную трубку и бодро заговорила:

– Коля, привет... У меня батарейка сдохла. Да, да, забыла зарядить сотовый... Коля, я приеду завтра утром. Все в порядке. А у тебя? Света звонила? Ну слава богу... Я очень устала. Еще много дел. Все, целую...

Козырев, стоя в дверном проеме, с улыбкой наблюдал за ней. Половина зубов у него были железными. Был он небрит, кошмарно одет, но при всем при том в нем еще угадывался школьный любимец. Господи, да его и сейчас все любят...

– Ну, что смотришь? Я изменился? – добродушно спросил Козырев.

– Да, – честно ответила Роза. – Все изменились. И Варька, и ты, и я.

– Ты совсем не изменилась, – великодушно сказал Серега и придвинул к Розе продавленный стул. – Садись... Поболтаем?

– О чем? – Она нехотя села, и стул под ней предательски заскрипел.

– О чем угодно...

О чем говорить с Козыревым, Роза не знала. Подумав, она изрекла:

– А я сейчас Варьку искала...

– Она же на работе!

– Ну да, я так и поняла.

– Как муж?

– Ничего, неплохо. Серезенька...

– Что?

– Почему ты не женишься?

Он сделал круглые глаза и захохотал:

– А зачем? И потом, кто за меня пойдет?.. Нет, Телегина, что за ерунда тебе в голову лезет?..

Серега по старой памяти называл ее по девичьей фамилии. Теперь она была Тарасова. Роза Витальевна Тарасова. Серега, кстати, и Варвару звал Маркеловой, хотя она уже давно была Аникеевой...

– А вдруг ты бросил бы пить? – упрямо сказала Роза. – Серезка, у тебя же такой замечательный отец был! Ты хотя бы ради его памяти должен себя в руках держать.

На лицо Козырева легла тень. Он безумно любил своего отца и, когда тот умер, рыдал так, что все боялись за его психику. «Как бы не спятил парнишка... – сказала тогда старуха Вершинина. – Это ж какое для него горе! «Папочка то, папочка сё...» Души не чаял в папаше! Оно и немудрено – золотой человек был Виктор Петрович, земля ему пухом...»

Может быть, Серега именно потому и опустил, что слишком переживал из-за смерти отца?..

Козырев помолчал, глядя куда-то в сторону, в пустой угол.

– Роза... Роза, ты не забыла, как раньше было хорошо? Ну, тогда – давно...

– В детстве все было хорошо. Небо синей и масло масляней! – улыбнулась она. – Помню, мы с Аликом...

Козырев дернулся.

– Ты про Алика Милютина? – перебил он.

– Да, про него... Господи, Серега, я же за него всерьез замуж собиралась! – засмеялась Роза печально. – Почему жизнь такая несправедливая, а? Ведь самые лучшие уходят от нас! Я иногда чувствую себя такой виноватой...

Первая любовь Розы, ее одноклассник Алик Милютин, погиб под колесами электрички почти сразу же после выпускного вечера.

– Ты давно видел его отца, Сережа?

– Роза, не надо... – страдальчески сморщился Козырев.

– Нет, правда, ты должен ему помогать, – убежденно произнесла она. – У тебя – отец, у него – сын... Вы с ним должны найти общий язык.

Козырев пнул ближайшую бутылку, и она, громыхая, покатилась по неровному полу.

– Лучше бы и не говорили... – мрачно буркнул он. – Все настроение испортила... А потом удивляется, чего я выпиваю!

– Ты же сам стал вспоминать! – обиделась Роза.

– Я абстрактно вспоминал, а ты это... конкретно!

– Ну тебя, Козырев! – обиделась Роза и ушла.

Она сама чувствовала, что зря произнесла имя бывшего одноклассника. Теперь Алик опять ей приснится. Наяву она о нем почти не помнила, и лишь редко (очень редко!), во сне, он приходил к ней. Брал за руку, говорил что-то ласковое, они шли куда-то... Ничего особенного, но после таких снов Роза почти всегда просыпалась в слезах. И почему так? Ведь любила она только своего мужа, Николая, и никакой Алик ей сейчас и задаром не был нужен...

Вернувшись к себе, Роза включила телевизор, бесцельно уставилась в экран. Она устала и раздражена.

А потом в дверь позвонили.

Роза открыла дверь и увидела на пороге опухшего, вдребезги пьяного субъекта, который едва держался на ногах. «Наверное, к Сережке... Вечно они квартиры путают!» Они – это собутыльники Сереги Козырева, разумеется.

– Вы к кому? – сурово спросила Роза.

– Я к Кириллу. К Кириллу Ахрамкову. К Кириллу и Нине... – с трудом ворочая языком, изрек субъект. Был он весь в грязи, точно валялся под забором. Роза даже удивилась – у Ахрамковых не было подобных друзей.

«Хотя какой он друг, если не знает, что они уже съехали отсюда!»

Роза с трудом втолковала субъекту, что Кирилл с Ниной больше здесь не живут, и захлопнула дверь.

Она посмотрела телевизор, съела яблоко, оставшееся от жильцов, и собралась было уже спать, как в дверь снова позвонили.

На пороге, на фоне черного ночного неба стоял все тот же субъект – видимо, он и не уходил никуда.

– Я очень извиняюсь... Я вам свои документы покажу... – неловкими движениями он охлопал свои карманы. – Но я в совершенно безвыходном положении... У меня же были документы, елки-палки!.. Сейчас пытался поймать машину, но ни один гад... ни один гад не остановился!

– А я тут при чем? – вздохнула Роза.

– Понимаете – и деньги, и телефон, и документы... Я вам свои часы в залог оставлю! Мне бы только на электричку...

«Денег просит», – с брезгливым отвращением поняла Роза. Она достала кошелек из висевшего рядом, в прихожей, пальто, нашла сторублевую купюру.

– Вот. Только электрички уже не ходят.

– Как? – бессмысленно захлопал глазами пьяный. Роза совершенно его не боялась. Она его ненавидела.

– А вот так! Ждите теперь утра!

– Где?

– Где угодно! – Роза толкнула субъекта в грудь и снова захлопнула дверь.

Она разложила постель, остановилась у календаря, висевшего на стене. «Сегодня шестое, ровно месяц назад был день рождения... Как быстро летит время!» Шестого марта Розе исполнилось сорок. День рождения в этом году она не отмечала – вроде как подобную дату не принято отмечать в народе... Обычное суеверие, конечно, но Роза сама не хотела концентрироваться на том, какой рубеж она перешла.

Сорок лет.

Молодость давно закончилась.

Она взбила подушку – и неожиданно подумала, что ночи в начале апреля еще очень холодные. Под утро, возможно, будет ниже нуля...

Она накинула на плечи пальто и вышла во двор, в темноту. Где-то вдалеке едва слышно стучали на стыках товарные поезда.

Голые ноги полоснул весенний ветер – ну просто лед, а не ветер!

Роза огляделась. На скамейке, скорчившись, точно криветочка, спал давешний субъект.

– Эй, мужчина... – Роза легонько тронула его за плечо. – Идемте!

– Куда?.. – ошалело пробормотал тот и приподнялся на локте.

– За мной.

Она повела его к Козыреву. Переночует у Сереги, бедолага... Вроде на совсем пропащего он не похож, тем более знакомый Ахрамковых!

Субъект пыхтел за ее спиной, спотыкался, вздыхал, то и дело хватаясь за забор.

Но на стук в окно Козырев не отозвался. Роза стучала долго, пока не поняла – Сереги нет дома. Ушел после того, как они поговорили. Фигаро тут, Фигаро там...

– У вас есть телефон? – обернулась Роза. – Ах да, и телефон, и деньги, и документы – вы потеряли, так ведь?..

Она хотела позвонить Кириллу Ахрамкову на сотовый, спросить о незваном госте. В конце концов, если он приличный человек, можно его запереть в одной из свободных комнат. Как назло, и у старухи Вершининой, и у Аникеевых свет в окнах не горел. Так что от них позвонить тоже не получалось. Не будить же людей во втором-то часу ночи!

Роза пошла назад, и субъект покорно поплелся за ней.

– Вы кто? – бросила она через плечо.

– Я?! – удивился тот. – Я... я – человек.

– Вот как раз на человека вы меньше всего похожи! – сердито заметила Роза. – Вы алкоголик, да?

– Я? – опять страшно удивился тот. – Я, можно сказать, очень редко... позволяю себе... принимаю себе позволять...

– Редко... – фыркнула Роза. – У вас есть еще тут знакомые? Вы, вообще, где живете?

– Я?

– Ну да – вы, вы!..

– В Москве, где же еще... – даже как будто обиделся тот.

Роза поднялась на свое крыльцо.

– В общем, так, – строго сказала она. – Переночуете у меня. Я вас запроу в одной из комнат. Обещаете вести себя прилично?

– О... обещаю! – потрясенно пробормотал субъект.

– Если что – буду кричать. Слышимость у нас отличная, все соседи сбегутся.

– Зачем? – испуганно выдохнул тот.

– Что – «зачем»?

– Зачем вы будете кричать? – дрожащим голосом переспросил субъект.

– Если мне не понравится ваше поведение! – совсем разозлилась Роза. – Денег у меня мало – рублей двести только осталось в кошельке, наверное... Из ценных вещей – тоже ничего. И как женщина я интересую только своего мужа – это я к тому, если вы меня плохо разглядели! Мне, между прочим, уже пятый десяток пошел.

Субъект потрясенно забормотал что-то. Видимо, он клялся в том, что ни в коей мере не станет покушаться ни на имущество Розы, ни на саму Розу...

Морщась, Роза затолкала его на кухню, где стояла узкая кушетка.

– И не вздумайте курить! Пожара мне еще тут не хватало...

Она заперла дверь в коридоре, потом, для надежности, сама заперлась в той комнате, где собиралась спать.

Никакого удовлетворения от собственного благородства она не чувствовала, даже более того – она на себя злилась. Злилась именно потому, что ничуть за себя не боялась. Действительно, кому она может быть нужна, кроме собственного мужа?..

Она легла на кровать, накинула поверх одеяла еще пальто и закрыла глаза. Сон, как ни странно, моментально охватил ее. Из гудящей темноты, в переливах золотого цвета выплыл на нее огромный белый лайнер – вроде того, который показывали в фильме «Титаник». Синее-синее море, синее небо... Солнце. Крики чаек.

Она, Роза, как будто стояла на берегу. И, прикрыв ладонью глаза, всматривалась вперед, надеясь разглядеть того, кто стоял на капитанском мостике...

Сердце у Розы во сне привычно сжалось, и из сомкнутых глаз потекли слезы, с тихим шорохом падая на подушку.

А потом раздался грохот, словно лайнер наскочил на айсберг...

До смерти перепугавшись, Роза подскочила на кровати, уставилась в темноту. Грохот доносился явно с кухни.

«Ах ты, гад какой!» – моментально разозлилась Роза. Накинула халат на плечи и помчалась на кухню. Она, как уже упоминалось, ничуть не боялась незнакомца. «Выгоню! Выгоню мерзавца, пусть на улице мерзнет!»

На кухне, щурясь от яркого света, стоял субъект и растерянно глядел себе под ноги. На полу валялись кастрюли и ковшики, а на стене, скособочившись, висела деревянная полка. Каким-то чудом она все еще держалась на одном гвозде... Выходит, этот тип сломал полку!

– Вы с ума сошли! – прошипела Роза, толкнув того в грудь. – Что вы себе позволяете?! Я предупреждала!..

– Простите, ради бога... Я только хотел чайник поставить, а тут...

– Мне плевать, что вы хотели! – яростно зашептала Роза. – Вы в чужом доме, а потому не имеете права ничего тут хотеть!..

– Честное слово, я нечаянно... очень пить... Чайку там...

Грязная куртка валялась в углу, у ржавой батареи. Тип был в брюках и темно-синей футболке, босиком – туфли стояли тоже возле батареи. Только сейчас Роза смогла как следует разглядеть лицо незнакомца. Он был молод – по крайней мере, моложе ее. Волосы, которые он пятерней машинально убирал назад, у него были темно-русые, и светло-карие глаза. Незнакомец был даже красив – и это обстоятельство почему-то охладило Розин гнев. И зачем она предупреждала его о том, чтобы он не смел к ней приставать... Да такому красавчику она и даром не нужна!

Он уже довольно уверенно держался на ногах, и выражение его лица было вполне осмысленным.

Роза подняла эмалированный чайник с пола, налила в него воды, поставила на плиту, зажгла огонь.

– Здесь пробки вылетят, если электрическим чайником пользоваться, – зачем-то сказала она. Видимо, оправдывая царящий на кухне спартанский лаконизм. Потом достала из шкафа-

чика кружки, бросила в них по пакету чая. От Ахрамковых осталась еще коробочка с печеньем...

– Вы очень добры, – сев на табурет, серьезно сказал незнакомец и опять убрал волосы со лба. – Ей-богу, мне очень стыдно, что я доставил вам столько хлопот.

– Да ладно... – вяло ответила Роза. – Все равно мне уже спать расхотелось.

Она тоже села за стол, напротив него.

– Так вы знакомый Ахрамковых? – спросила она.

– Да, приходилось с ними пересекаться. В основном с Кириллом... Наша контора работала с их конторой.

– Понятно.

Вода вскипела, и Роза заварила чай.

Они сидели молча, глядя в черное окно, – там, вдали, за пустырем, качался фонарь. Роза поднесла кружку к губам.

– Вы неправильно чай пьете, – вдруг сказал незнакомец. – Надо вынуть пакетик.

– Зачем? Пусть еще настоится.

– Лучше не будет. Весь вкус обратно в пакетик уйдет. Сначала выйдет, а потом снова уйдет. Это факт!

– Seriously? – удивилась Роза.

– Я вас уверяю.

Она вытянула за нитку пакетик из кружки, швырнула его прямо в раковину.

– Ешьте печенье...

Ночной гость безо всякого удовольствия захрустел печеньем, потом сморщился.

– Что, плохо? – со злорадным сочувствием спросила Роза.

– Очень, – честно ответил тот.

– И по какому поводу пили?

Он не ответил, посмотрел на нее как-то странно – в глубине светло-карих глаз плеснулась тоска.

– Я вам так и не представился, – через некоторое время, словно с усилием, произнес он. – Константин Георгиевич Неволин. А вы – Роза?

– Роза Витальевна, – сухо поправила она.

– Очень приятно. Я вам деньги завтра же перешлю.

– Ай, ну перестаньте! – усмехнулась она. – Сто рублей... Ерунда.

– Роза... – повторил он задумчиво. – Необычное имя. Редкое. То есть вполне обычное, но редкое именно для коренных жителей нашей средней полосы. У меня, например, знакомая есть – Роза Хабибуллина. А в вас как будто ничего южного, восточного – нет... Или я ошибаюсь?

– Нет, вы правы, – ничего восточного во мне нет, – равнодушно ответила она. – Я, как вы выразились, «коренная жительница средней полосы»... Мама с папой почему-то не захотели называть меня Леной, Ирой или там Светой. От родительского умиления называли таким вот цветочным именем. Ничего, я привыкла.

– А к кому вы хотели меня сначала отвести? – с любопытством спросил Неволин, осторожно отхлебывая чай.

– К своему соседу. Сережке Козыреву... Он один живет. Тоже пьянчужка тот еще! И ведь какой хороший человек, и руки у него золотые...

– Кажется, я его видел уже сегодня. Он со мной поздоровался. Такой, в спецовке...

– Он! И ведь совсем недавно дома был... А вы где работаете?

– Я инженер. Окончил МАИ... Очень счастлив тем, что работаю по специальности. А вы?

– Я – бухгалтер. Ну, и домохозяйка ко всему прочему... – ответила Роза и строго спросила: – У вас дети есть, Константин Георгиевич?

– Есть. Сын от первого брака. Иван. Ему четырнадцать лет. Живет с матерью.

– А-а...

Роза уже окончательно уверилась в том, что от незваного гостя никакого подвоха не будет. Кажется, действительно никакой он не злодей. Обычный пьянчужка, как и Серега Козырев. Инженер. Что-то такое, из советского прошлого...

Не то чтобы ее особенно интересовал чужак – нет, просто Роза всеми силами старалась отвлечься от недавнего сна. Слезы были еще где-то близко, у глаз. Да что ж это такое, почему она никак не может забыть своего прошлого?!

* * *

...Из лепестков некоторых видов роз получают ценный ароматический продукт – эфирное масло (розовое масло). Промышленное использование эфирномасличных роз развито в Болгарии, России, Франции, Турции, Италии и др. странах. В Россию для этой цели была завезена в XIX веке из Болгарии казанлыкская роза.

Роза используется в приготовлении духов, эссенций, также она входит в состав восточных лакомств...

(Из популярной энциклопедии.)

* * *

Кажется, она действительно была неплохой теткой.

Сидела напротив, пила чай, смотрела в окно, о чем-то напряженно все время думала... Наверное, были у нее какие-то неприятности. Или просто характер такой. Сколько же ей лет? Сорок? Сорок пять? Она упомянула о пятом десятке... Смешная. Обычно женщины из всех сил скрывают свой возраст.

– Скоро Пасха, – вспомнил он почему-то. – Через две недели, да?

– Что? – хозяйка квартиры снова посмотрела на Неволина своим странным, ускользящим взглядом.

– Точно, через две недели. У меня бабка была сильно верующая, все праздники отмечала. Куличи пекла. Вы умеете куличи печь?

Разговор у них получался какой-то дурацкий, но о чем еще можно было говорить с незнакомой теткой?..

– Да.

– Наверное, вы хорошая хозяйка.

– Приходится. Правда, в основном готовлю диетические блюда. У мужа язва. Кашки на воде, протертые супчики, паровые котлеты... Он в общественных местах питаться не может. Если поест в ресторане – с партнерами по бизнесу, – ох как потом мучается!

– Сочувствую вашему мужу.

– Да ну вас! – вдруг сердито сказала она. Неволин смутился – в самом деле, эти слова прозвучали как-то двусмысленно.

А потом он опять вспомнил о Лизе. «Как ты могла?!» – мысленно воззвал он к ней.

– Ненавижу тех, кто пьет, или там наркоманов всяких... – продолжила хозяйка сурово. – Ведь они для чего пьют или колются?

– Для чего? – машинально спросил Неволин.

– Для того, чтобы ускользнуть из реального мира. Здесь скучно, сложно, глупо... А там, в своих грезах, люди видят себя совсем другими. Значительными. Там они совершают подвиги, там ждет их замечательное будущее. А здесь они никто.

– Человек хочет ускользнуть от себя... – согласно вздохнул Неволин. – Трудно смириться, что ты – не эксклюзив, а обычный гомо сапиенс, каких миллионы и миллиарды – было и будет.

«Лиза, если бы ты знала, как мне сейчас больно... Хотела бы ты сама испытать такое, а? Хотела бы? Нет, то-то и оно...»

Неволин увидел на подоконнике колоду карт, потянулся к ней.

– Сыграем? – мрачно спросил он. Спать ему решительно не хотелось.

– Что? – опешила Роза. Глаза у нее были странные – мало того что они косили, еще они были непривычного, какого-то слишком яркого темно-серого цвета. Точно свинец.

– Ну, в подкидного – сыграем? – повторил Неволин, тасуя карты.

Роза захлопала своими странными глазами. То ли она на него, Неволина, сейчас смотрела, то ли еще куда – не поймешь...

– Ладно, сыграем. Просто, на интерес, – нехотя согласилась она. – Вы еще и картежник, ко всему прочему...

В ее голосе Неволин снова уловил осуждение. Но невозмутимо раздал карты и сообщил:

– Пики – козыри... Кто первым будет ходить?

Первую партию они сыграли агрессивно, быстро, точно от этого что-то зависело. Роза осталась «в дураках».

– Еще? – с азартом спросила она. – Ничего, я сейчас отыграюсь!

Вторая партия закончилась с тем же результатом.

Во время третьей Роза жульничала, и Неволин подловил ее на этом. Они сердились, кричали... Потом «в дураках» два раза остался Неволин.

Он играл и все время думал о Лизе, о том, что надо сделать, чтобы она поняла, какую боль причинила ему...

Константин был взрослым, нормальным мужчиной, тридцати шести лет от роду, он почти никогда не страдал от ревности – то ли повода ему не давали его женщины, то ли он сам по себе был таким. Но сейчас, думая о Лизе, он просто сходил с ума... «Чтобы ты, Лиза, почувствовала то же самое! Или... – он вдруг замер с поднятой картой в руке – ...или – чтобы я перестал себя чувствовать «в дураках»?..»

Отомстить. Отомстить Лизе. Боже, как банально!

– Что, съели?.. – торжествующе воскликнула Роза. – А мы вот вам еще одного короля подкинем... Чем теперь бить будете?..

Неволин снова посмотрел на нее. Она была совсем не в его вкусе – он никогда не любил полных. И к тому же ее возраст... Ну, допустим, Роза еще далеко не старуха, но один ее халат из фиолетовой байки чего стоит! Это будет не месть Лизе, а мазохизм какой-то. Мечь самому себе.

– Сыграем на желание? – тем не менее вдруг холодно предложил он.

– То есть?

– Проигравший выполняет желание выигравшего.

– Что? – возмутилась Роза. – Мы же просто играем, на интерес!

– На интерес – не интересно. Или боитесь проиграть?

– Я?..

– Да, вы!

– Я – нет... А вдруг вы какую-нибудь глупость от меня захотите? – совсем по-детски, растерянно спросила она и почему-то покраснела.

– Это уж непременно... Но если все-таки выиграете вы?

– Я тогда заставлю залезть вас под стол и кукарекать! Алкоголик несчастный...

– Что ж, у вас есть шанс, Роза.

Она немного подумала, а потом ответила:

– Нет.

И улыбнулась. У нее появлялась ямочка на щеке, когда она улыбалась.

* * *

Роза ветров – график, изображающий режим ветра в данном месте; обычно строится по многолетним данным для месяца, сезона, года. По разным направлениям сторон света проводятся линии, длина которых определяется частотой ветров, затем их концы соединяют. (Из популярной энциклопедии.)

* * *

Зачем он сказал про желание?

У Розы никаких желаний не было. Она встала из-за стола и ушла к себе.

Но тем не менее его слова почему-то выбили ее из колеи. С чего она взяла, что гость имел в виду именно *это*? Возможно, он просто шутил...

Но она совсем растерялась. Так растерялась, что даже забыла запереть за собой дверь. Упала на кровать и уставилась в потолок.

Было поздно. Очень поздно.

Но она боялась заснуть, боялась, что снова увидит во сне огромный белый лайнер и на нем, на капитанском мостике... О, как странно мечтать о том, что не сбылось и никогда уже не случится, о том, что безвозвратно исчезло больше двадцати лет назад, даже, если быть точнее, – ровно двадцать три года назад.

«Я же не люблю тебя, – мысленно обратилась она к Алику Милютину. – Ты мне не нужен. Я счастлива. Какого черта ты меня преследуешь?.. Ты вообще – умер. Навсегда умер!»

Слезы медленно потекли из глаз Розы.

А потом она услышала, как тихо скрипнула дверь. Роза вся сжалась, сжала кулаки – так, что ногти впились в ладони.

Это был ее гость, Константин Георгиевич Неволин.

Тот еще тип! Не стоило, конечно же, пускать его в дом.

«Все равно я проиграла... – мелькнула предательская мысль. – По жизни проиграла!» Почему она так подумала? Роза медленно разжала кулаки...

В темноте она увидела, как Неволин стянул с себя майку, потом, позвякивая металлической пряжкой на ремне, снял брюки. Надо было возмутиться, закричать, прогнать нахала, но Роза почему-то не могла этого сделать. Вот не могла – и все тут! Она, порядочная женщина, мать семейства, ни разу не изменившая мужу...

Константин лег рядом, положил ей руку на плечо. Потом коснулся пальцами ее лица, словно ловил трепет ее ресниц. Смахнул слезинку со щеки – и даже как будто не удивился тому, что она плачет.

Он молчал, и это было хорошо, потому что если бы Неволин заговорил, Роза непременно прогнала бы его. Он касался ее, изучал – наверное, тоже закрыв глаза, и Роза все ждала, что он в любой момент сам уйдет от нее, и это будет еще хуже – наверное, после такого только и останется, как свихнуться от стыда. Стыда за то, что ты уже не женщина.

Но его ладони не исчезали, все время были рядом, и они не делали ничего такого, что Розе было бы неприятно. Этот Константин Георгиевич никуда не торопился, он был экономен и расчетлив, копил секунды и минуты, был хитер и щедр одновременно.

И в какой-то момент Роза окончательно поняла – Неволин никуда не уйдет. Все начатое будет завершено, и все точки над «i» будут расставлены. Он возьмет, но он и отдаст. Он честный купец.

Из его сомкнутых губ вырвался то ли вздох, то ли тихий стон, и это почему-то ужасно взволновало Розу. Его стон эхом отозвался у нее внутри.

Она все-таки женщина. Она все еще жива!

Роза осторожно, не открывая глаз, осмелилась прикоснуться к нему.

Это было дико и странно – чувствовать рядом с собой совершенно чужого, незнакомого мужчину, тем более после стольких лет замужества. Роза ощущала себя чуть ли не девственницей, таким странным казалось ей происходящее... Она едва не засмеялась.

Тем более что муж Николай, при всех своих прочих достоинствах, таким рвением не отличался. За все годы их брака он превратился в сурового менялу и поднимать курс не собирался. Последние супружеские объятия были месяц назад. Подарок на день рождения...

Она все-таки засмеялась.

В ответ Неволин тоже тихо засмеялся и осторожно укусил ее за плечо.

Он был легкий и сильный, и, не сомневаясь ни в чем, вел за собой Розу – туда, к своей цели. И она покорно и даже радостно шла за ним. Им было, в общем, по пути.

Они дойдут до конечного пункта и, довольные сделкой, расстанутся навсегда.

* * *

Коктейль «Роза» по-французски: 15 мл вишневого бренди, 15 мл сухого вермута, 45 мл джина. Смешать в шейкере со льдом, перелить в бокалы для коктейля и сразу подавать.

(Из кулинарной книги.)

* * *

Неволин осторожно приоткрыл глаза и в первый момент даже не понял, где это он. Голова была тяжелой, ноги – ватными, в горле першило. Ну и прочие симптомы, свидетельствующие о том, что вчера он выпил лишнего.

Солнечные зайчики весело скакали по выцветшим обоям в цветочек.

«Роза!» – по ассоциации прозвенело у него в мозгу. Женщина по имени Роза!

И Лиза...

В первый момент Неволин решительно отказывался верить в то, что произошло вчера, и теперь многие вещи казались ему не такими очевидными.

Во-первых, почему он так обиделся на Лизу? С какой стати ему вздумалось ревновать ее к Куракину? Они же просто шли по улице рядом – зачем же Неволин так психанул?..

Во-вторых, для чего ему понадобилась эта самая Роза, к тому же страшная (если верить вчерашним воспоминаниям), словно смертный грех?! Добрая, конечно, женщина, но вовсе не стоило поэтому залезать к ней в постель...

Неволин осторожно приподнялся на локте, готовясь к самому худшему. Готовясь увидеть эту самую Розу (господи, еще имечко такое, издевательское!).

Она спала на боку, отвернувшись к стене и подложив одну ладонь под щеку. Рыжие волосы лежали на подушке, и в них путались все те же солнечные зайчики, отчего волосы вспыхивали красными искрами. Отчетливо виднелось некоторое количество седых волос. Не так много, но все же! (У Лизы и в помине не было никаких седых волос.)

Неволин чуть-чуть стянул одеяло вниз и увидел круглое розовое плечо. В общем, не особенно противное, но абсолютно чуждое его эстетическим идеалам. Он стянул одеяло еще ниже. Гм... Живот. Живот вовсе не такой выпуклый, как он ожидал увидеть. Она, конечно, пухлая, но талия у нее есть. Определенно.

Далее должен идти жестокий целлюлит. У всех женщин этого возраста и этой комплекции есть целлюлит.

Неволин стянул одеяло еще ниже, мужественно готовясь к самому худшему. Но целлюлита практически не было. Ноги, правда, подкачали... У Лизы ноги вдвое тоньше. Ну, не

вдвое, а в полтора раза – это уж точно. И у Лизы такие изящные, тонкие щиколотки – то, что называется породой...

У Розы были розовые пятки. Пятки были определенно хороши – розовые, ровные, идеально круглые и, даже на вид, – мягкие.

* * *

Неволин осторожно перевел дух.

В общем, все было не так уж плохо, как можно было ожидать. Не красавица, но и не чудовище.

Роза во сне фыркнула, почесала нос и быстро повернулась к нему лицом. Неволин податься назад не успел.

Лицо у нее оказалось ровным, круглым, гладким, без явных дефектов и особых морщин. Вчера эта женщина показалась более старой. Но тут ничего удивительного – сон благотворно действует на некоторых женщин. Одни с утра выглядят хуже, чем они есть, другие (их мало, но они все-таки существуют) – лучше. К обеду наступает равенство, а к ужину...

У нее был маленький крепкий нос и едва заметные веснушки на переносице. В общем, ничего.

Тут глаза Неволина скользнули ниже, и он увидел ее грудь.

Во-первых, грудь не была такой большой, как он ожидал. Но и не маленькой. Во-вторых, классической, можно даже сказать – девичьей. Круглая, приятная взгляду. У Лизы, конечно, лучше, но эта тоже ничего...

Неволин ощутил невольное волнение.

Он вспомнил подробности этой ночи и, несмотря на то, что мысленно ругал себя «свиной», «скотиной» и «идиотом», несмотря на то, что его жгли нестерпимые муки совести, почувствовал... желание повторить.

Эта женщина, Роза то есть, рушила все его представления о женской привлекательности. Все его эстетические принципы!

«Ладно, грудь у нее лучше, чем у Лизы... Нет, даже не лучше, а как это... аппетитней. Да, именно так, аппетитней».

Неволин упорно искал в Розе недостатки, даже вспотел, пока наконец не вспомнил, что она – косоглазая.

И тут Роза открыла глаза.

От неожиданности Неволин даже отпрянул, увидев перед собой этот ускользающий, свинцово-серый, тяжелый, мрачный взгляд.

Она моментально натянула на себя одеяло и тоже отпрянула назад, длинные волосы упали ей на лицо.

– Доброе утро, – растерянно произнес Неволин.

И по выражению ее лица понял, что никакого продолжения не будет.

А также еще то, что это утро она вовсе не считает добрым.

– О господи... – едва слышно пробормотала она. В ее голосе тоже явно читалось раскаяние.

– Роза, я понимаю, ты сейчас обо мне думаешь, что я... – начал он терпеливо, но женщина не дала ему договорить.

– Ничего я не думаю! – торопливо сказала она. – И вообще, разве мы на «ты»?..

– После того, что произошло вчера, мы уже не можем быть на «вы», – резонно возразил он.

Роза помолчала немного.

– Уходи.

– Да-да, конечно...

Он торопливо оделся. Вышел из комнаты, быстро умылся в ванной. «На утренний кофе бесполезно рассчитывать... Впрочем, какой еще кофе!»

Выходя из ванной, Неволин столкнулся с Розой в коридоре.

– Все, я уйду, ты можешь не беспокоиться, Роза.

– Минутку...

– Да? – обернулся он.

– Я вот что хотела сказать, – нерешительно начала она, кутаясь в фиолетовый халат, который снова превратил ее в тетку. – Я...

Он молчал и терпеливо ждал.

– ...словом, со мной подобного никогда не было. У меня муж, семья, и все такое... – она прерывисто вздохнула. – Сама не понимаю, что со мной случилось! Я бы не хотела, чтобы об этом кто-то узнал.

– Да никто не узнает! – удивленно, даже с некоторым раздражением воскликнул Неволин.

– Тогда прощай.

– Прощай! – серьезно ответил он. У него был порыв – поцеловать ее в щеку, на том месте, как он помнил, появлялась ямочка, когда Роза улыбалась. Но Роза смотрела так уныло, так испуганно и мрачно, что Неволин просто махнул рукой и вышел вон.

На улице было холодно, светило яркое весеннее солнце.

«Какое счастье, что сегодня суббота...» Неволин представил, что было бы, если бы ему сейчас пришлось бежать на работу – с тяжелой головой, отвратительным привкусом во рту, в мятой несвежей одежде... Он отряхнул куртку от засохшей земли, провел ладонью по волосам.

За пустырем, заставленным чередой «ракушек», начиналась дорога. Неволин полчаса ждал автобуса, потом трясся на нем до станции. Долго ехал до Москвы в электричке, наполовину пустой (а в будний день, наверное, не протолкнуться...). Все это напоминало времена ранней юности, когда он довольно часто ночевал в чужих домах, но Неволину, привыкшему к комфорту и давно забывшему, что такое общественный транспорт, все это было теперь весьма неприятно.

Кроме того, он думал о том, как будет оправдываться перед Лизой.

И чувствовал себя чуть ли не преступником.

Потом были метро и троллейбус.

Словом, Неволин прибыл домой во второй половине дня.

Он немного потоптался у двери, а потом нажал на звонок. Лиза распахнула дверь сразу же:

– Ты... Костя, где ты был?!

У нее было такое лицо, что Неволин сразу же забыл о князе Роберте Куракине и своей глупой ревности.

– Лиза, я... – шагнул он вперед.

– Костя, что с тобой? – ее темные глаза моментально наполнились слезами. – Костя, я обзвонила все морги, все больницы... Всех знакомых обзвонила! Я чуть с ума не сошла!

Плача, она убежала в комнату, упала там на диван. Тоненькая, юная, в белой трикотажной пижаме, разрисованной иероглифами. Очень стильной пижаме, кстати сказать, хотя значение иероглифов так и осталось неизвестным...

Неволин поплелся за ней.

– Ахрамковым звонила? – вздохнув, спросил он.

– Кому? – всхлипнув, повернулась она.

– Помнишь Кирилла – бородатый такой?..

– Нет. А может, и помню... – пробормотала Лиза. – Ты у них был, что ли?

– Да, – сказал Костя. (Ложь во спасение!)

– А почему ты мне не позвонил? И почему твой телефон не отвечал? Я бог знает что думала...

– Ахрамковы вчера переезжали, – терпеливо начал разъяснять Неволин, мешая правду и спасительную ложь вместе. – На новую квартиру. Они квартиру купили, еще на уровне котлована. Я им помогал переезжать. Ездил в Камыши. Ну, а потом... потом мы решили немного отметить это событие...

– Немного... – фыркнула Лиза. Слезы на ее глазах высохли. – А что так быстро? В смысле – неужели так быстро построили? Я помню, ты рассказывал, да...

– Сейчас все очень быстро делается. Словом, когда отмечали это событие, я не рассчитал свои силы... – продолжил Неволин покаянный монолог, чувствуя себя подлецом и мерзавцем. – Даже умудрился сотовый посеять...

– Алкоголик! – печально засмеявшись, произнесла Лиза. – Ты просто невозможный человек, Костя!

– Я что, так часто пропадаю? Много пью? Со мной, можно сказать, такое в первый раз случилось! – притворно-обиженно говорил Неволин, а сам думал: «Надо потом позвонить Кириллу, чтобы он, в случае чего, мог подтвердить. Нет, какой я все-таки скотина!»

Он сел рядом и попытался обнять Лизу.

– Фу, иди в душ... – оттолкнула она его. – Такое впечатление, что ты под забором валялся!

Лиза, сама не зная, попала в точку. Но по голосу Неволин понял – она почти простила его.

– Лиза, я тебя очень люблю...

– Иди в душ, я сказала! Да, ты есть хочешь? – крикнула она ему в спину.

– Очень. Очень-очень!

– Ладно, сейчас что-нибудь приготовлю. Горе ты мое луковое...

Позже, уже отмытый и побритый, сидя на кухне, над тарелкой с пышным омлетом, Неволин спросил, не глядя Лизе в лицо:

– Ну а ты вчера что делала?

– Ничего... Дома сидела!

– Весь день? – осторожно поинтересовался он.

– Да. Хотя вру – пришлось выбежать в аптеку за микстурой от кашля. Кстати, помогла мне... Хорошая микстура, кашель почти прошел. Роберта Куракина еще встретила – у него выступление в каком-то клубе будет, он нас с тобой приглашал... Пойдешь?

– Пойду, – мужественно согласился Неволин. Ему вдруг стало необыкновенно легко и хорошо, точно камень с сердца упал. В самом деле, почему ему вздумалось ревновать Лизу?!

– Костыка, ты такой смешной... – Лиза потрепала его мокрые волосы. – Нет, правда – никогда так больше не делай! Никогда не пропадай без предупреждения.

– Клянусь, – серьезно ответил он. – Лиза...

– Что? – улыбнулась она.

– Лиза, выходи за меня замуж.

Он сказал эти слова, не подумав, – они сами вырвались. Он сказал – и испугался... Константин готов был сделать что угодно, лишь бы забыть вчерашний день, забыть женщину по имени Роза, стереть всякое напоминание о своей ошибке... А вдруг Лиза откажется?

– Ты серьезно?

– Более чем. Ты же знаешь – я люблю тебя.

– Костя... – Лиза засмеялась, потянувшись – девочка-подросток, да и только. – Костя, я даже не ожидала!

– Я, конечно, не подарок – не особенно богат, не особенно умен да и не красавец к тому же... Такая девушка, как ты, достойна лучшего, – торжественно продолжил он, глядя Лизе в темные, блестящие глаза. – В общем, я не слишком удивлюсь, если ты откажешься от моего предложения. И потом, современные девушки не особенно стремятся под венец...

– Костя! – Лиза обняла его. – Если честно, то кое в чем я довольно старомодна.
– Нет, я не понял – ты согласна, что ли?
– Да. Да! – засмеялась она.
– Ты – чудо, – с нежностью произнес Неволин. – Я тебя недостойн, это очевидно, но я буду стараться изо всех сил, чтобы сделать тебя счастливой!

* * *

*В Египте розы были посвящены Изиде, символизируя чистую любовь, освобожденную от всего плотского, и использовались в мистериях Изиды и Озириса.
(Из журнальной статьи.)*

* * *

Вечером к Косте зашел его приятель – Юрий. Он был временно неприкаян, ходил по знакомым, поскольку дома у него гостила теща, приехавшая недавно из Саратова. И сегодня настала наконец очередь Кости принимать у себя друга-скитальца.

Они обосновались на кухне, для того чтобы сравнить между собой модели «Пежо» и «Рено» (боже, эти мужчины до старости способны остаться мальчишками!), а Лиза осталась в комнате и листала журнал.

Она не солгала, когда сказала Косте, что считает себя старомодной. Лиза Ионова, при всем при том, что старалась жить легко и просто, мечтала выйти замуж. Она никогда и ничего ни у кого не требовала, не плела интриг, добиваясь своего, но сегодня судьба преподнесла ей царский подарок. Это называется – ждала и дождалась.

Журнал, что рассматривала сейчас она, был женский, битком набитый рекламой и советами психолога, к тому же за прошлую осень, и те страницы, которые были посвящены свадебной моде, скорее всего, безнадежно устарели. Надо было купить новый журнал, к тому же специальный, чтобы весь номер предназначался невестам.

Лиза сняла трубку и набрала номер Риты Бобровой, своей задушевной подруги.

– Алё... – хрипло отозвался подругин муж. – Алё, слушаю вас!

– Гена, это Лиза. Позови, пожалуйста, Риту!

– Рита! – уже издали захрипел Бобров, со стуком бросив телефонную трубку на стол. – Это тебя!

Через несколько секунд подошла подруга.

– Ритка, ты не представляешь – только что Костя сделал мне предложение! – не трать время на ненужные прелюдии, выпалила Лиза. – Каково?

– Созидаю... ой, то есть поздравляю! – искренне обрадовалась Рита. – Пора давняя... Давно пора! Сколько вы с ним?

– Два года.

– Он отличный мужик, и вообще...

– Но он не идеал, конечно, – сурово поправила подругу Лиза, помня о недавних своих переживаниях.

– Идеала вообще нет! – живо напомнила Рита.

– Тут ты права. Я тебя хотела спросить – в чем сейчас принято идти под венец? Ты не в курсе?

Вопрос был из разряда провокационных.

Во-первых, Рита уже лет десять как была замужем за своим Бобровым, их дочкам Наде и Любе было только девять лет, и свадебная мода ни в какой мере не могла интересовать ее.

Во-вторых, задушевная подруга Рита принадлежала к тем женщинам, которым даже самые полные знания о моде и стиле не могли помочь. Риту Боброву могло преобразить только чудо.

Рита была высокой, сутулой особой в очках, с выпирающими передними зубами, многочисленными неврезами – от обычного обгрызания ногтей до полной дислексии (в случаях крайнего волнения она начинала путаться в словах и слогах), с темными оспинками на лице и шее – напоминанием о подростковых угрях. Она носила длинные клетчатые платья и обувь с тяжелыми каблуками, больше напоминающими копыта.

Многие, увидев Риту, сразу же начинали заочно жалеть ее мужа, Гену Боброва. Но совершенно напрасно. Если для Риты еще можно было подобрать какие-то эпитеты и сравнения, то Гену достаточно было описать всего одним словосочетанием – «очень страшный». Ко всему прочему, он работал пожарным. Единственным его достоинством было то, что он при всей своей грубости и некультурности (за что не раз Рите приходилось извиняться перед окружающими), в сущности, являлся человеком не злым.

Утешало только одно – у Гены с Ритой родились вполне симпатичные девчонки. Конечно, далеко не красавицы, но от мамы и папы в них было мало.

Словом, спрашивать Риту Боброву об актуальных тенденциях в одежде было бессмысленно и даже жестоко.

– По-моему, сейчас можно все что угодно носить, – сказала Рита.

– Ты думаешь? Ведь свадьба только раз в жизни бывает... – вздохнула Лиза. – Да, ты представляешь, он этой ночью где-то шляется, явился только в третьем часу дня.

– Неужели? – ахнула Рита.

– А вот так... Стал бы он мне предложение делать, если б его совесть не мучила!

– И где же он был?

– Пил где-то.

– Ну, бывает... – облегченно вздохнула Рита. – Это не страшно. Главное, что не у женщины какой ночевал...

– Я бы сразу почувствовала! – сурово сказала Лиза.

Сочувствие Риты очень грело душу. Собственно, потому Лиза и дружила с Ритой – была та бесхитростна и добродушна, а что уж до внешних данных... Как говорится, с лица воды не пить. Лучшей подруги и не придумаешь!

– А тот, другой, ты говорила... кажется, Бертран? – осторожно спросила Рита.

– Роберт. С Робертом Куракиным мы просто друзья, – сказала Лиза, устраиваясь поудобней на диване. – Он странный, но милый.

– Почему – странный?

– А где же ты видела нормальных поэтов! – засмеялась Лиза и покосилась на дверь. – Печатает книги на свои деньги, выступает с перформансами в клубах...

– Перформансами?

– Ну да... Нечто вроде театрализованного представления. Очень стильное зрелище... Ведь если просто декламировать стихи со сцены, как делали раньше, то никого этим не удивишь! Роберт не от мира сего. Кроме того, он князь.

– Кличка такая, что ли?

– Ну при чем тут кличка! Он на самом деле князь, у него дворянские корни, – принялась терпеливо втолковывать Лиза. – Очень древний род, между прочим!

– Да... – мечтательно пробормотала Рита. – А у меня прадед золотарем был.

– Кем? Впрочем, неважно... Так вот, Куракин – просто друг. Но, знаешь, на меня почему-то ужасно действует, что в его жилах течет благородная кровь. Когда я общаюсь с ним, это для меня как прикосновение к живой истории. Например, он мне рассказывал, что один из его предков был фаворитом Екатерины Второй!

* * *

Мадонна. «Английские розы». Первая из пяти книг, задуманных известной поп-дивой, – сказка о дружбе, зависти и ревности. Четыре неразлучные подруги – и есть те самые английские розы...

(Из книжного обзора.)

* * *

Незванный гость давно ушел, а Роза все не могла успокоиться – бесцельно ходила по комнатам, прижимая руки к груди. Она ничего не могла делать – все ее благие намерения завершить генеральную уборку терпели крах.

Она не понимала, как подобное могло произойти, почему она провела эту ночь с первым встречным. Да еще таким пьянчужкой! Это все равно что согласиться провести ночь с Сергеем Козыревым...

Роза вспомнила о Козыреве, и ей стало совсем нехорошо. А что, если соседи заметили, что у нее в квартире ночевал совершенно посторонний мужчина?.. «Впрочем, у меня такая репутация... Вряд ли кто станет упрекать меня в распутстве!» – усмехнулась она. Но на всякий случай выглянула в окно.

Во дворе стояла тишина, даже Кису не было слышно. Где-то вдалеке шумели поезда. Яркий свет дробился в чистых окнах, солнце грело Розе лицо и открытые руки.

«Ну вот, я испортила себе жизнь. Теперь все будет не так!»

Если Николай узнает обо всем, то сразу ее бросит. Он не из тех, кто прощает.

Розе стало страшно. Муж никак не мог узнать о произошедшем, но Розе казалось, что тот непременно догадается обо всем, лишь только посмотрит ей в глаза...

Надо было возвращаться в город.

Роза, точно приговоренная к смертной казни, переоделась, еще раз обошла все комнаты, с досадой посмотрела на сломанную полку – та висела на честном слове. Незванный гость, конечно, подправил ее, но она все равно могла в любой момент рухнуть. «А, плевать...»

В прихожей она взглянула на свое отражение в старом трюмо, оставшемся еще от родителей. Черная длинная юбка, длинный свободный свитер темно-серого цвета, расклешенный плащ-пальто цвета индиго. Роза признавала только ту одежду, которая надежно прятала все ее проблемные места. К чему подчеркивать свои недостатки?..

Роза поправила прическу, потом подвела губы бледно-розовым блеском. Женщина в зеркале никак не напоминала распутную Мессалину, но Роза-то знала правду!

...На пустыре она встретила Варвару. Серебристый плащ той нестерпимо бликовал в солнечном свете, словно рыцарские доспехи.

– Ты в город? – обрадовалась Варвара. – Подбрось до станции, а?

– Я могу и до города, – великодушно сказала Роза. – Тебе куда?

– К Красным Воротам. У меня там клиентка живет.

– Так это же практически по пути!

Роза, гремя замком, открыла гараж.

Варвара в дороге вела себя как обычно, лишних вопросов не задавала и все время говорила – о себе, о муже, о дочери Анжеле, о бестолковых клиентах... «Если бы она меня в чем-то подозревала, то непременно бы спросила! Значит, разлюбозные соседи не в курсе, что у меня ночевал посторонний...» – с облегчением вздохнула Роза.

– Много платят? – рассеянно спросила Роза, вклинившись в Варварин монолог.

– Кто? Клиенты-то? Ой, не смейся... В основном бабки одни. Нет, есть и молодые, чего там...

Варвара работала медсестрой в камышовской больнице, а в свободное время ставила капельницы, делала уколы, массаж тем, кто из дома выходить не хотел или не мог. Своего рода частная практика.

– ...тебе-то хорошо, Роза, – не надо бегать, словно жучка, искать кусок хлеба на пропитание... У тебя муж богатый! Не то что мой Аникеев...

– Варька, ты преувеличиваешь финансовые возможности моего мужа, – усмехнулась Роза, глядя на дорогу. – У него все капиталы в деле. Лишних денег нет.

– Ой, да ладно! Вон плащик-то какой модный... – Варька пощупала воротник Розино пальто. – Поди, от Диора?..

– Ну тебя! – сердито засмеялась Роза. – В нашем универмаге купила, всего за две тысячи.

– Долларов?

– Рублей, конечно!

Варвара помолчала немного, с недоверием морща лоб. Потом снова заговорила:

– На Анжелку все деньги идут. Просто прорва какая-то! Купи ей то, купи это... Я ей говорю – пускай твой хахаль теперь на тебя денежки тратит! У нее ж хахаль тоже из бизнесменов... Слушай, Роза, у тебя Светка такая же? Хотя чего я спрашиваю, – тут же спохватилась она. – Светка в институте учится, умная девочка! Не то что эта дрянь...

Варвара ругала Анжелу, но Роза знала – та очень любит свою дочь и все эти слова не более чем пустое сотрясение воздуха...

У Красных Ворот она высадила шумную соседку, а через полчаса была уже у себя дома.

– Ну как, уехали Ахрамковы? – спросил Николай, выглянув в коридор. Помог ей снять плащ. Он даже в мелочах упорно старался быть джентльменом. – Чего так долго?

– Дел очень много... – пробормотала Роза. – Сейчас Варвару подвозила. Совсем она меня заболтала!

– Твоя Варвара – идиотка. Не понимаю, как ты можешь общаться с подобными людьми... – фыркнул Николай и ушел в комнату. «Слава богу, не заметил!» – с облегчением подумала Роза. Хотя, по здравому размышлению, чего такого он мог заметить?.. – Да, я работать сейчас буду, ты мне не мешай. А к четверем Гоша придет!

Гошей муж фамильярно называл Георгия Семеновича Бабенко, своего помощника, хотя был тот старше Николая. Бабенко было сорок семь лет, был он весьма суров на вид, раньше служил в органах госбезопасности, но после какой-то неприятной истории его с треском уволили. Бабенко даже грозил суд, и вот тогда-то Николай ему помог – оплатил услуги дорогого адвоката.

Николай никогда ничего не делал зря, и в данном случае все его траты окупились – Георгий Семенович Бабенко стал его верным помощником, верней не найти. Одновременно тот совмещал функции водителя, телохранителя и нес на себе даже какие-то управленческие обязанности.

Роза его боялась и не любила. Наполовину седой, с короткой стрижкой, щеточкой черных усов, всегда при костюме, Георгий Семенович выглядел всегда подтянутым и злым, точно сторожевой пес, готовый в любой момент отразить нападение...

Хотя, если разобраться, Николаю телохранитель особо и не нужен был. Все неприятности, связанные с бизнесом, остались в беспокойном прошлом – на данный момент ситуация являлась стабильной. Пожалуй, Бабенко был больше защитой от так называемых «дураков» и «быдла» (часто употребляемые Николаем эпитеты), которых хватало в любые времена. Николай бесили эти «дураки» и «быдло», которые то выскакивали на проезжую часть, то непонятно каким образом пробирались в рестораны, в которых он обедал, то качали права в магазинах, которые Николай посещал... В общем, Бабенко везде и всегда сопровождал Розино мужа.

Иногда ей казалось, что Георгий Семенович и ей может внезапно выкрутить руки, если вдруг она сделает что-то не то.

Ровно в шестнадцать ноль-ноль явился Бабенко. Роза открыла ему дверь.

– Добрый день, – сухо, даже как будто нехотя поздоровался он с хозяйкой. – Николай Владиславович у себя?

«А где же ему еще быть...» – хотела съязвить Роза, но промолчала.

Бабенко причесался перед зеркалом и, тяжело ступая, ушел к Николаю в кабинет. Далее Роза слышала только обрывок их разговора, который касался необязательности некоторых поставщиков. Ей самой хотелось участвовать в делах мужа, но, как уже упоминалось, Николай был против.

Домашних дел тоже не было – все, что можно было убрать и почистить, Роза убрала и почистила заранее. Хозяйством занималась исключительно она одна.

Некоторое время они приглашали проходящих домработниц (по инициативе главы семьи), но каждый раз все это заканчивалось скандалом (тоже исключительно по его инициативе). Все они воровали – кто в большей, кто в меньшей степени, были исключительно тупы и вообще имели особенность раздражать Николая даже одним своим видом. Все это он высказал Розе в довольно эмоциональной форме, и с тех пор никаких домработниц в доме не появлялось.

Квартира – четыре большие комнаты. Кабинет Николая, комната Розы, комната Светы (правда, Света сейчас жила у бабушки с дедушкой) и гостиная. Евроремонт, дорогушая итальянская мебель, самые лучшие пластиковые окна, куча бытовой техники, авторский дизайн... Один раз, в отсутствие Николая, к Розе зашла Варвара – и едва не умерла от зависти.

Поскольку маленькие дети, а также животные в доме отсутствовали и муж довольно часто обедал вне дома, то особых хлопот у Розы никогда не было. Вот и сейчас она просто слонялась по комнатам. И уйти никуда не могла – мало ли что мужу может понадобиться?

Бабенко ушел часа через два.

– Ну что, прогуляемся? – позвал жену Николай. Подобные приглашения случались не часто.

– Да, конечно! – испуганно согласилась Роза. Она все еще упорно боялась разоблачения. – Только вот куда?

– Поехали к Светлане. Я, честно говоря, уже соскучился по ребенку... Деда с бабкой повидаем!

– Поехали, конечно!

На Николая, при всей его вспыльчивости и жесткости, часто нападали приступы сентиментальности. А со своими родителями он вел себя очень почтительно, даже если был не согласен с их мнением. «Повезло тебе с мужем! – в свое время не преминула высказаться Варвара. – Не то что мой Аникеев – на всех ему наплевать...»

Елена Климовна и Владислав Макарович жили неподалеку от Павелецкого вокзала. Визиту «детей» обрадовались чрезвычайно... Елена Климовна – с темно-пепельными пышными волосами, изящная, подтянутая – сердечно расцеловала Розу.

– Ну, наконец-то! – закричал Владислав Макарович – тоже подтянутый, но совершенно седой, с нездоровым кирпично-красным румянцем на лице. – Явились, не запылились...

Свекор и свекровь очень спокойно относились к Розе, и особых конфликтов между ними никогда не возникало. Может быть, хорошим отношениям способствовало еще и то, что два поколения жили отдельно. До недавнего времени Елена Климовна и Владислав Макарович работали, она – тренером по фигурному катанию в детской спортивной школе, он – в министерстве железнодорожного транспорта на довольно высокой должности.

– Светка дома? – нетерпеливо спросил Николай.

Из кухни появилась Света – высокая, полная, в атласном спортивном костюме, с ярко-белыми обесцвеченными волосами. Она меланхолично дожевывала бутерброд.

– О, какие люди... Пап, мам, мне некогда, я к сессии готовлюсь.

– До твоей сессии еще почти два месяца! – напомнила Елена Климовна. – И перестань жевать...

Она много лет пыталась сделать из внучки спортивную девочку, но все ее попытки закончились неудачей.

– Ты – мое чучело!.. – Николай принялся тормошить дочь. – Господи, и на кого ты только похожа... Смотри, скоро в дверь не пролезешь!

– Отстань, пап! – засмеялась Света. Она оттолкнула отца и уткнулась Розе в шею. – Ты как? – шепотом спросила она.

– Хорошо, – преувеличенно-бодро ответила Роза. – А ты как?

– Неплохо. Но и не хорошо, – кисло ответила Света.

...Это был обычный семейный вечер.

Николай с удовольствием рассказывал о трудностях с поставщиками, Владислав Макарович, заядлый футбольный болельщик, жаловался на то, что наши опять продули, так и не дойдя до полуфинала, и что судья-бельгиец судил несправедливо, Света жевала очередной бутерброд, глядя в книжку, Елена Климовна с азартом пересказывала фильм, недавно посмотренный в кинотеатре. Свекровь Розы не пропускала ни одного события, ни одной премьеры и была, как ее называла Света, «заядлой тусовщицей».

Роза кивала и слушала, не забывая ни на секунду, сколь низко пала. Она себя ненавидела. Ей было стыдно перед свекром со свекровью, перед Светой...

Тайком поглядывала на Николая – тот сидел во главе стола. Она невольно пыталась сравнить его с Неволлиным, и сравнение выходило не в пользу последнего. Николай выглядел чрезвычайно импозантно, солидно, представительно. Всегда и во всем безупречен, похож на актера, который в голливудских фильмах всегда играет банкиров, адвокатов, сенаторов и шпионов. Черные волосы, классическая мужская стрижка, потрясающие темно-зеленые глаза. Немного худощав – но это все из-за язвы желудка – заболевания людей, которым приходится часто нервничать...

Просто удивительно, до чего Света была не похожа на отца! Сколько Роза ее помнила, Света всегда была такой – меланхоличной, с кислым выражением лица. Она была рассудительна даже в детском возрасте и никогда ни из-за чего сильно не расстраивалась. Впрочем, и не радовалась тоже.

– Роза, а ты чего молчишь? – с улыбкой обратилась к ней свекровь. – О чем задумалась?

– Так, ни о чем... – вздрогнула Роза. – Устала. Вчера в Камыши ездила. Убиралась после жильцов.

– Ох уж эти Камыши! – со странным выражением пробормотала Света. – Не представляю, мам, как ты могла там столько прожить...

Однажды, два года назад, Света из любопытства поехала с Розой в Камыши (Ахрамковы в то время уехали на месяц к сыну – тот болел). Столичной Свете камышовская простота показалась чудовищной. От визгливого лая Кисы у нее разболелась голова, Серега Козырев, сильно пьяный, напугал ее своей железной улыбкой («как в старом фильме про Джеймса Бонда, мам, был там такой здоровый дядька по прозвищу Челюсти!»). А потом Света нос к носу столкнулась в палисаднике с Анжелой, Варькиной дочерью.

Та, хоть и была двумя годами младше, выглядела восхитительно – тоненькая, словно тростинка, в мини-юбке, коротком топике, на немислимых шпильках, с длиннейшими гладкими волосами – кукла Барби, а не девушка.

Света и Анжела обменялись долгими взглядами. Потом молча разошлись. Роза, которая была свидетельницей этой немой сцены, прочитала в этих взглядах девочек сразу все, всю

ту информацию, которой они обменялись. «Я красива, – сказал вызывающе-строгий взгляд Анжелы. – Меня любят мальчишки». – «А я живу в Москве, а не в каком-то там пригороде... – презрительно-надменно сощурились Светины глаза. – У моего папы много денег. Я учусь в хорошей школе. После школы поступлю в институт. Поступлю в любом случае, потому что у моего папы есть деньги, и он меня любит. А кто твой папа?» – «Я красивая. Меня любят мальчишки». – «Я никогда не стала бы одеваться столь вульгарно!» – «Ну и что! Я красивая и меня любят мальчишки!»

С тех пор Света испытывала стойкое отвращение к Камышам.

– А что такого? – удивилась Елена Климовна. – Я, между прочим, Светик, первые десять лет своей жизни вообще прожила в глухой таежной деревне! Мороз зимой был такой, что невозможно на улицу нос высунуть... А потом моего папу перевели в Воронеж, он ведь партийным работником был – куда пошлют, туда и поедет. И только потом мы оказались в Москве...

– Знаю-знаю... И здесь, на ВДНХ, у фонтана «Дружба народов», вы с дедом и познакомились!

Владислав Макарович захохотал:

– Да, были времена! И вот поди ж ты, умели тогда играть... Ни разу не продули наши!

* * *

...Роза и Николай возвращались домой уже далеко за полночь.

– Хорошо, что без Бабенко сегодня едем... – сказала Роза, садясь в машину.

– Чем он тебе так не нравится? – искренне удивился ее муж. – Отличный мужик. Я без него как без рук... Но надо же и ему когда-то отдыхать!

Они ехали через ночную Москву, сияющую рекламой, с подсвеченными фасадами домов, красивую и высокомерную.

– Света мне показалась какой-то грустной, – заметила Роза, глядя в сторону. – По-моему, ей нелегко с Еленой Климовной.

– Ну уж, ты скажешь... Просто мама пытается держать ее в тонусе. Ты Светку совсем распустила. На кого она стала похожа!

– На меня, – невольно улыбнулась Роза.

– Вот именно! – фыркнул Николай. Он вдруг безо всякого перехода вновь впал в привычное недовольно-раздраженное состояние. – И это при всем при том, что ты ей не родная мать!

Роза пожала плечами, продолжая смотреть в сторону.

Слова мужа ничуть ее не задели. Это была чистая правда – не она родила Свету. Николай был вдовцом – жена его, мать Светы, умерла от тяжелой болезни, когда дочери было едва лишь больше года. От Светы никогда не скрывалось, что Роза была ей неродной. Об этом знали абсолютно все. Варвара, старая школьная подруга, с самого начала предрекала Розе всяческие трудности и ужасы. «Это же чужой ребенок! Она тебе рано или поздно даст понять, что ты ей – никто!»

Но именно Свету, как выяснилось в дальнейшем, это волновало меньше всего. Она очень любила Розу, и даже в подростковый период, когда у детей возникает миллион проблем и они испытывают сложности в общении с окружающими, Света никоим образом не дала Розе понять, что она относится к ней как к мачехе. Света обожала отца, хорошо относилась к деду с бабкой, но только с Розой у нее были такие доверительно-трепетные отношения.

Роза опять вспомнила о вчерашнем приключении и невольно покосилась на Николая.

«Собственно, а чего я так переживаю? Обычная интрижка. В жизни каждой женщины должна быть такая интрижка – иначе можно с ума сойти от скуки! Будет хоть что вспомнить перед смертью...» – и она почувствовала, что улыбается.

* * *

*Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!
Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость,
Казалось мне, любовь дышала в них.
Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты;
Венка из роз искала молодая —
И я сорвал заветные цветы.
(Иван Петрович Мятлев, поэт XIX в.)*

* * *

...Утром Роза съездила на фирму, в которой работала бухгалтером, сдала платежные документы, получила на руки деньги – не особенно большие, но зато собственные.

Потом заглянула в сберкассу и, повинувшись внезапному порыву, сняла всю сумму, которая лежала у нее на книжке. Все то, что она накопила от сдачи квартиры, от своей работы... Получилась довольно внушительная пачка наличных.

А потом напрямик направилась в салон одного довольно популярного стилиста, на прием к которому она записывалась накануне. Насколько действительно был хорош этот хваленый стилист, Роза не знала, но ей хотелось рискнуть...

– ...дорогие слушатели, поздравляю вас с Днем космонавтики! – болтало радио в машине. – Сегодня двенадцатое апреля. В такой же солнечный день, много-много лет назад – в тысяча девятьсот шестьдесят первом году – корабль «Восток» с Юрием Гагариным принялся бороздить просторы вселенной...

Роза слушала радио и мало что понимала. Ей было страшно, и в то же время она чувствовала тот же азарт первооткрывателя, который вторгается в неизведанное пространство. Будь что будет. Отступать уже нельзя.

– ...я бы, знаете, хотела что-то немного поменять в своем этом... имидже, – сказала Роза стилисту, крашеному длинноволосому мужчине в полосатой майке, открывавшей его татуированный торс. Стилист с суровой скорбью разглядывал Розу со всех сторон. – Ну там, волосы немножко подровнять, и вообще...

– Понятно, – сказал стилист жестко. – Только, пожалуйста, прошу вас полностью довериться мне. И не бойтесь – хуже, чем есть, все равно не будет.

Роза подумала: обижаться или нет? А потом плюнула на все – и села в широкое крутящееся кресло.

Ахнула, когда на пол упала первая прядь ее волос, довольно длинная.

– Я же просил – полностью довериться мне!

Роза зажмурилась и больше уже не открывала глаз.

Ее стригли и стригли – долго, очень долго, возили по волосам филировочными ножницами, потом снова стригли («лучше бы уж сразу налысо побрили, что ли! Быстрее бы вышло...»). Потом красили, заворачивая отдельные пряди в фольгу. Потом сзади к голове придвинули какой-то агрегат – не то сушка, не то грелка... Приоткрыв глаз, Роза посмотрела на

свое отражение в зеркале, с фиолетовой пеной вместо волос, из которой торчали полоски блестящей фольги («инопланетянка, честное слово! И в открытый космос выходить не надо...»). Вздыхнула и снова зажмурилась.

Потом с нее сняли фольгу и долго мыли голову, потом втирали что-то в волосы. Сушили феном. Брызгали чем-то. Снова сушили, вытягивая пряди круглой расческой.

– Ну, теперь смотрите...

Роза открыла глаза. Из зеркала на нее смотрела незнакомая молодая женщина – и вовсе не с фиолетовыми волосами, как можно было предполагать, а с рыжевато-каштановыми, в которых были видны красноватые пряди. И короткими волосы тоже не выглядели – так, чуть выше плеч. Они лежали пышно, слегка закручиваясь вверх. И еще эта челка... Роза невольно прикоснулась ко лбу. Челок она никогда не носила, волосы у нее всегда были одинаковой длины.

– Ваш цвет был слишком жидковат – ни то ни се... – говорил тем временем стилист. – И этот неприятный медный оттенок! Я не стал ничего радикально менять, просто добавил немного цвета и создал объем вот этими прядями. А теперь объясняю, как правильно укладывать прическу, если вы собираетесь делать это самостоятельно...

Роза слушала, открыв глаза, и что-то странное происходило у нее внутри. Она себя не узнавала.

Потом ей сделали макияж – и стилист тоже объяснил, какие цвета ей, Розе, идут, а какие нет, как следует подводить брови, глаза, контур губ...

– У вас хорошие брови, я только чуть-чуть подправил линию, чтобы не было резкого излома. Избегайте ярких румян, вы с ними станете похожи на матрешку. Немного бежевого, персикового – на скулы, и хорошо растушевать...

Потом стал объяснять, как надо правильно одеваться.

И получалось все не то, что носила до того Роза.

– Юбки выбирайте с осторожностью, лучше совсем от них отказаться. К платьям относитесь еще более придирчиво...

– А что же носить? – удивленно спросила Роза.

– Брюки, – категорично заявил стилист. – Только ни в коем случае не зауженные, а прямые или чуть расклешенные книзу! Свитера, рубашки – чуть приталенные, вот такой длины.

– А не слишком ли коротко? Мне кажется, лучше спрятать эту часть тела...

– Ничего подобного! И потом, живот у вас не торчит, не такая уж вы толстушка, чтобы закутываться с ног до головы... Цвета – теплые, охристые, красноватые, можно использовать оливковый и песочный.

– А вот у меня индиго... Я синий люблю, – неуверенно заметила Роза, указав на свое плащ-пальто.

– Синий тоже можно использовать – смилостивился специалист. – Единственное, фасон вашего плаща никуда не годится. Это так называемый «свингер», а вам больше подошел бы «тренч»...

– Что, простите?..

От обилия информации у Розы слегка закружилась голова. Ей были предложены услуги консультанта, который ходил бы с ней по магазинам и помогал выбирать одежду.

– Называется это – релукинг, очень актуальное предложение в сфере услуг...

Но Роза отказалась от услуг специалиста по этому самому релукингу. Ей показалось, что это было бы чересчур.

– Нет, я справлюсь сама!

Весь остаток дня Роза проездила по магазинам в мучительных и сладких поисках одежды. Это напоминало уже охоту с ее интригой – добыча была рядом, но не давалась в руки, за добычей надо было долго идти, выслеживать ее, точно определять цель, не поддаваться панике или чрезмерному азарту, не обращать внимания на отвлекающие моменты в виде советов назойли-

вых продавцов... Хотя, возможно, с помощью консультанта она сэкономила бы время и избежала некоторых ошибок.

Итог был таким – две пары брюк, одни оливкового, другие шоколадного цвета, красновато-оранжевый легкий свитер с рукавами три четверти, светло-коричневая рубашка – чуть приталенная, не длинная, коричневые замшевые туфли на «шпильке». «Шпилек» Роза никогда не носила, боясь, что непременно упадет или застрянет каблуком в какой-нибудь расщелине, но, примерив итальянские туфельки, неожиданно открыла для себя, что они не менее удобны, чем ее домашние тапочки. Можно было, конечно, насчет обуви договориться с мужем, но из опыта Роза знала, что Николай попытается сплавить ей вовсе не то, в чем она нуждалась.

После этого Роза принялась искать этот самый «тренч», но тут обнаружила, что, во-первых, уже глубокий вечер, и, во-вторых, у нее кончились все деньги.

Терзаемая неудовлетворением и незнакомой прежде жаждой продолжить поиск (раньше она не тратила столько времени и сил на покупку одежды), усталая, взбудораженная, Роза вернулась домой, мысленно прикидывая, чего ей еще не хватает.

Выходило – очень многого. Еще надо не забыть о всякой там косметике-парфюмерии (то, что было у Розы, оказывается, никуда не годилось), потом массаж, прочие оздоровительные процедуры...

Она разделась в прихожей, и тут из комнаты вышел Николай.

– Привет, – сказала Роза, совершенно забыв о том, что она подверглась некоторым стилистическим изменениям. – Слушай, дай денег!

Николай ничего не ответил. Поморгал глазами.

– Тарасов, не будь жадиной, дай денег! – жалобно повторила Роза.

Он снова поморгал глазами. Потом, прокашлявшись, выдал:

– Что это с тобой?

– Где?

– Да вот, с головой...

Роза схватилась за голову.

– А, ты про это... – засмеялась она. – Я подстриглась. Ужасно надоели эти длинные волосы! Ты скажи, мне идет?

– Ну, ничего так, – неуверенно пробормотал Николай. – Живенько...

Он заставил ее повернуться, осмотрел со всех сторон. Особого восторга не выказал, но Роза и не надеялась на подобную реакцию – муж ее, консерватор по складу характера, ко всему новому привыкал с трудом. Главное, не начал с ходу вопить, что она, Роза, страдает ерундой и окончательно себя изуродовала.

– А деньги тебе зачем?

– Коленька – весна! Женщина я или нет?

– Эта весна каждый год случается... А еще лето, осень и зима. Разориться можно! Ты, между прочим, не забывай, что я денег не печатаю, они у меня все в деле... Вот, кстати, в январе закупили партию обуви – тридцать седьмой размер распродан с ходу, за несколько дней, а все остальные до сих пор лежат мертвым грузом. Не берет их народ... Что тут будешь делать!

– Закажи еще партию тридцать седьмого.

– Господи, Роза, я ж тебе сто раз объяснял – так не получится! Можно заказать партию только со всей размерной шкалой и ничего – по отдельности!

– Печально...

– Вот и я говорю! А какое у нас дурацкое законодательство... Покупатель имеет право практически бесплатно менять обувь в магазине! И вообще, нормой считается брак до трех процентов в партии. А куда мне этот брак девать? Снова везти за границу, возвращать на завод-изготовитель?..

Николай долго жаловался на трудности, ворчал, вздыхал, но Роза проявила неожиданную твердость. В конце концов, денег он ей дал, правда, не преминул уколоть:

– Ох, Роза, мы и так в свое время столько денег на тебя потратили... И что в результате? Пшик!

Это было правдой. Денег ухнули уйму... Если бы вовремя не остановились – потратили бы еще в несколько раз больше, и, скорее всего, тоже ничего бы не добились... Но лучше не вспоминать об этом.

Лучше не вспоминать.

Не вспоминать.

...Итак, Роза получила возможность продолжить шопинг.

Найден был тот самый «тренч», куплено практически все то, что требовалось Розе, – ну, по крайней мере, на ближайшее время...

Она, точно бабочка в конце определенного цикла, старательно и упорно пыталась вылезти из кокона, выкарабкаться из него, выцарапать – для того, чтобы расправить крылья и полететь навстречу солнцу. И кем она будет – блеклой капустницей или радужным махаоном, – уже не имело значения. Главное – измениться. Стать другой.

Возможно, это желание покинуло бы Розу в самом скором времени, но сейчас она радовалась жизни, радовалась тому, что она – женщина. И так приятно было заботиться о себе, гоняться за милыми сердцу тряпками, кряхтеть в суровых руках массажиста, склоняться в задумчивости над витриной с бельем, перебирая пальцами шелк, кружева, атлас, прозрачный гипюр...

Роза в этих хлопотах даже похудела немного – так, не сильно, но все равно ей было приятно ощущать забытую легкость в теле. Ни одна диета, ни одно новомодное лекарство не помогли ей столь эффективно, как это стабильно хорошее настроение...

Отчего у нее было хорошее настроение, Роза пока еще не поняла. В самом деле, ну не оттого же, что она провела ночь с незнакомцем?

* * *

По мотивам элегии И.П. Мятлева другой писатель XIX в. – Иван Сергеевич Тургенев – создал одно из своих знаменитых стихотворений в прозе, в котором говорится о воспоминаниях ушедшей молодости: «Легкий ветер тихо тает и переходит в ночь, в теплом воздухе пахнет липой, а на окне, оперишись на выпрямленную руку и склонив голову к плечу, сидит девушка и безмолвно и пристально смотрит на небо, как бы выжидая появления первых звезд... ..Я не дерзаю заговорить с нею, но как она мне дорога, как бьется мое сердце! „Как хороши, как свежи были розы...“

(Из учебника русской литературы.)

* * *

– ...да какая разница – где! – с досадой сказал Неволин. – Дался тебе этот Грибоедовский Дворец бракосочетаний! Туда, говорят, очередь на месяц вперед – чтобы только просто документы подать... Я слышал, люди даже ночами дежурят, отмечаться ходят, номерки на ладонях пишут, и все такое прочее.

– Костя, отстань. Свадьба – это очень важное событие в жизни человека. Оно должно запомниться! Некоторые люди к нему готовятся чуть ли не несколько лет! – отмахнулась Лиза, обложенная со всех сторон журналами для невест. – По крайней мере, год, не меньше...

– Зачем?

– Затем, что любая мелочь должна быть продумана.

– Чисто женский подход! – засмеялся Неволин и чмокнул ее в макушку. – Мне, например, безразличны мелочи. Главное – это то, что будет потом. Я, помню, лет пять назад присутствовал на одной совершенно феерической свадьбе, в качестве гостя, разумеется. Красота была неопишная, все рыдали от восторга и умиления. А через две недели жених с невестой разбежались, причем устроили жуткий скандал с битьем посуды и нецензурной руганью. Соседям пришлось в милицию звонить... Вот вам и романтика бракосочетания!

– Костяка, ты что, собираешься тоже посуду бить?.. – Лиза засмеялась и тут же спохватилась: – Кстати, у тебя есть приличные туфли?

– Есть. Я в них к начальству всегда хожу! – с гордостью произнес Неволин.

– Ну-ка, надо проверить...

– Ты серьезно?

– Давай-давай, показывай!

Костя вытащил из самого дальнего уголка галошницы свои парадные туфли, несколько запыхавшиеся. Лиза придирчиво оглядела их.

– Костя, это кошмар...

– Что?

– Такие мысы сейчас уже никто не носит! А вот здесь кожа потрескалась... Все, ничего не хочу знать – тебе нужны новые ботинки! Да, и костюм. Но за костюмом мы поедем вместе в следующие выходные.

Лиза дала Неволину ценные указания, какие туфли и где именно он должен купить, объяснила, где находится ближайший обувной центр, и выгнала жениха из дома, заявив при этом строго:

– ...и не вздумай возвращаться без туфель!

Неволин сел в машину и скрепя сердце отправился в этот самый центр. Народу там было – не протолкнуться. И вообще – Неволин ненавидел магазины...

Он походил немного по рядам, ничего подходящего при всем многообразии выбора не нашел, наткнулся на втором этаже на кафе и засел там. «Передохну немного и пойду дальше искать...» – мужественно решил он.

Сидя с чашкой кофе у окна, за которым бурлил проспект, он опять вернулся мысленно к тому дню. «Сколько с тех пор прошло? Неделя, две?.. Дней десять – это уж точно! Ну и что? Надо выкинуть всё из головы. Обязательно. Я поступил глупо».

У той женщины были рыжие волосы и белая, бело-розовая, точно мрамор, кожа. Там в одном месте, где шея переходит в плечо, кожа пахла молочной сладковатой свежестью, как обычно пахнет от сломанных цветов или только что сорванных с грядки овощей. «Ну и что?»

Еще у нее были розовые круглые пятки и грудь классической формы.

Венера на старинных картинах.

Хотя нет, она – Роза. Нелепое, немного провинциальное имя. Хотя, собственно, почему же нелепое?

Неволин потер виски.

Женщина по имени Роза не шла у него из головы. Чем-то она его зацепила. Кроме пяток, груди и белой кожи у нее была еще ямочка на щеке. Которая появлялась при улыбке. Неужели все дело в этой ямочке?

«У нее глаза неприятные. Такой мрачный, тяжелый взгляд! И этот дефект зрения... Смотрит то ли на тебя, то ли куда-то в сторону. Бр-р!» – Неволин старался думать о Розе плохо (иначе как ее выкинуть из головы?), но чем дальше, тем сильнее ему хотелось вновь увидеть ее. Хотя бы для того, чтобы убедиться, насколько она нехороша.

Он посмотрел на часы. «В принципе, пробок в данный момент не должно быть, доеду за час. А то и быстрее! Повод? Повод – вернуть сто рублей. Прекрасный повод!»

Он отодвинул чашку с недопитым кофе, бегом спустился по лестнице и выскочил из обувного центра. «Туфли потом куплю, на неделе...»

Выехал со стоянки и помчался из города. Адрес известный: Камыши, Тихая аллея, дом два. О том, что Розы может там не быть, Неволин старался не думать.

До Камышей он действительно добрался очень легко. Как только увидел указатель с названием города, сердце его забило стремительно – от непонятого, глупого волнения. Тем не менее он почти не сомневался в том, что стоит ему снова увидеть Розу, как обязательно разочаруется в ней. Потому что память склонна идеализировать прошлое. Пусть даже такое недавнее...

По пыльной, еще не отмытой после зимы дороге с едва различимой разделительной полосой Неволин свернул в сторону ее дома.

Кусты в палисаднике готовы были вот-вот зазеленеть – от набухших почек их ветви казались гуще, плотней, точно закутанные в зеленовато-серую дымку.

Неволин вышел из машины, перешагнул через низенький забор.

Где-то в отдалении, запертая в доме, голосила истеричная Киса...

Неволин нажал на звонок. Потом постучал в окно. Потом снова стал давить на звонок, хотя было ясно – Розы нет.

Так трудно почему-то было с этим смириться...

Неволин снова залез в машину и поехал обратно. Он чувствовал странную тоску и досаду – так часто бывает, когда не получаешь того, чего ждешь слишком самонадеянно.

Неволин доехал до окраины Камышей, а потом резко развернулся, не обращая внимания на возмущенные гудки.

Он постучал в следующую дверь. Тут жила старуха с собакой Кисой. Но никто не отозвался, лишь Киса продолжала лаять.

– Вы кого ищете? – На соседнее крыльцо вышла дама с роскошными волосами. Это была мать легкомысленной девицы Анжелы – Неволин ее уже видел.

Но дама его не узнала – наверное, трудно было признать в нем того пьянчужку, едва сидевшего на скамейке в палисаднике.

В открытых окнах за спиной дамы было слышно, как бубнит телевизор.

– Мне бы Розу...

– Розы нет.

– Я знаю, что ее нет. А как ее можно найти? – Неволин перешагнул через забор, поближе к даме. – Вы не подскажете?

– А зачем? – подозрительно спросила та.

– Я насчет квартиры... – легко соврал Неволин. – Она ведь квартиру сдает? Мне Ахрамковы ее очень рекомендовали.

– А-а, все ясно, – протянула дама. – Да, Роза собиралась сдавать квартиру...

– Телефончик ее не дадите?

– Ну, я не знаю... – задумалась дама и почесала переносицу огненно-алым длинным ногтем. – Да ладно, чего уж там! Дам номер ее мобильного. Диктую...

Неволин быстро ввел номер Розы в свой телефон. Пока он нажимал кнопки, дама с поощрительным интересом рассматривала его с ног до головы.

– Что, это вы тут собираетесь жить?

– Ага.

– Один?

– Один.

– Ну-ну... – игриво погрозила та пальцем. Потом обернулась и закричала в распахнутое окно: – Анжела, выключи эту гадость! Немедленно, я сказала... – она обернулась к Неволину и

снова расплылась в улыбке. – Черт знает что показывают, а дети эту дрянь смотрят! Я бы всех их, кто телевидением заведует, поубивала.

– И не говорите...

Он сел в машину и отъехал от дома подальше. Достал сотовый, нажал на кнопку. «Абонент временно недоступен...» – отозвался бесстрастный голос.

– Тьфу ты!

Неволин вернулся в Москву. Был уже пятый час, Лиза, наверное, давно ждала его. Но из какого-то странного упрямства Неволин снова набрал номер Розы. «Если не дозвонюсь, то у Ахрамковых уточню ее координаты... В самом деле, они должны знать!» – озарило его. Но на этот раз связь была.

– Алло! – отозвался полузабытый, смутно знакомый голос.

– Роза?

– Да, это я. А кто говорит?

– Роза, это я...

– Кто – «я»? – удивленно спросила она.

– Костя.

– Какой еще Костя... Костя? – Она вдруг внезапно сбилась, и Неволин понял – узнала. Вспомнила. – Ты?.. Но зачем?

– Ты где сейчас? Ты занята?

– Да. То есть нет...

– Ты дома? – нетерпеливо спросил он.

– Я неподалеку от Лубянки... В центре. Улица Мясницкая... – не сразу ответила она. Наверное, искала глазами вывеску с названием улицы. – Тут рядом магазин такой красивый, в виде китайской пагоды...

– Я совсем недалеко. Жди меня. Минут через семь-десять буду.

– Но зачем?!

– Это очень важно... Пожалуйста, дождись меня! – жестко, почти угрожающе произнес он и нажал на кнопку «отбоя».

Через десять минут Неволин уже катил по Мясницкой, отыскивая взглядом ту самую китайскую пагоду. Он так хотел встретить наконец Розу, что ни о чем, кроме этого, не думал.

«Где же она, елки-палки... Неужели удрала?..» Он уже снова хотел набрать Розин номер, но потом увидел ее.

Она стояла на краю тротуара, сжимая в руках сумочку, и смотрела по сторонам. Она ли?

Неволин опустил стекло.

– Роза! – позвал он.

Она вздрогнула и повернулась к нему. Она и не она. Неволин, конечно, был в курсе, что женщины обладают редкой способностью менять свою внешность, словно хамелеоны, но то, что произошло с Розой, не поддавалось никаким разумным объяснениям.

Она выглядела лет на десять моложе, чем ему показалось в первый раз, и «теткой» ее уже никак нельзя была назвать. Будь он прохожим, он бы обратился к ней – «девушка». «Девушка, вы одна? Девушка, а что вы делаете сегодня вечером?..»

– Костя? Костя, откуда у тебя мой телефон? – Это было первое, что она спросила, когда он вышел ей навстречу из машины.

В ней не было ничего провинциального, ни одного намека на унылый пригород. Вполне столичная особа, сочетание небрежности и лоска. Неволин сначала не мог понять, что же именно ее так изменило, а потом догадался – она подстриглась и, кажется, изменила цвет волос...

Потом, лицо.

Лицо было свежим, ярким, отдохнувшим. Совсем не усталым, как тогда. Она выглядела тоньше и выше. И ей очень шло все то, что было на ней надето – брючки, майка с низким вырезом, короткая кожаная курточка темно-вишневого цвета...

«Что она мне тогда сказала?.. А, что ей пятый десяток! Соврала, наверное. Врушка».

– Что?.. – пробормотал он.

– Я говорю – Костя, откуда у тебя мой телефон?

– Откуда? Женщина одна дала. Твоя соседка. Такая, с волосами... – он сделал жест вокруг головы, обозначающий буйную шевелюру.

– Варька? Это Варвара! – сурово произнесла Роза. – А зачем она тебе его дала?

– Я попросил... Слушай, Роза, я тебя еле узнал!

– Да? – Она покраснела от удовольствия, улыбнулась, и ямочка заиграла у нее на щеке.

И тут с Неволным случилось что-то непонятное. Он вдруг, в один момент перестал владеть собой.

– Роза... – Он обнял ее, с силой прижал к себе.

– Ты с ума сошел! – Роза попыталась оттолкнуть его. Она явно испугалась.

– Чего ты боишься? – спросил он, неохотно отпустив ее.

– Тебя... Нас могут увидеть!

– Кто?

– Ну, я не знаю... Я же просила – не ищи меня!

– Я должен тебе сто рублей.

– Ай, перестань! – сердито воскликнула она. – Это не повод...

– Еще какой повод! – Неволин не мог отвести от нее глаз. Сейчас, среди московской сутолоки, под нависающими зданиями, на фоне растворяющейся в голубоватой дымке выхлопных газов улицы она выглядела совсем маленькой и беспомощной. Он уже никуда не мог отпустить ее.

– Садись, – Неволин распахнул перед ней дверцу своей машины.

– Зачем?

– Затем, что здесь совершенно невозможно разговаривать...

Она мгновение колебалась, а потом все-таки села в машину.

Неволин повернулся к Розе, взял ее за руки.

– Ты где живешь?

– На проспекте Мира... А что?

– Не в Камышах?

– Нет, там я жила раньше, в юности... Теперь я в Москве!

– Ну да, можно было догадаться... – пробормотал он. – И ты замужем? – спросил он полувопросительно, полуутвердительно.

– Да, у меня есть муж. И... и дочь еще есть, уже взрослая! – торопливо добавила она и опять почему-то покраснела. Эти подробности совершенно не интересовали Неволина.

– Значит, к тебе нельзя. Ко мне тоже нельзя... – краем сознания он вспомнил о Лизе. – Что же делать?..

– О чем ты?

Он провел рукой по ее волосам. Волосы были мягкие и слегка пружинили. Потом прикоснулся к ее шее. Нежная кожа, биение голубой жилки у ключицы...

Неволин хотел убедиться в том, насколько она нехороша, он хотел забыть ее. И что вместо этого получилось? А получилось то, что он пропал. Чем дольше он находился рядом с Розой, чем пристальней ее разглядывал, тем сильнее растворялся в ней...

– Тогда поехали в Камыши.

– Я никуда не поеду! – сглотнув, прошептала она. – Ты с ума сошел!

– Возможно, – легко согласился Неволин.

Что-то в ее лице говорило, что она готова ехать с ним. Правда, ей трудно на словах выразить свое согласие.

Он поцеловал Розу, мельком вдохнул запах ее волос.

Город гудел вокруг них, мимо окон торопливо бежали прохожие – приближался час пик.

– У меня машина там, во дворах, – с усилием произнесла она. – Я тоже на машине...

– Я привезу тебя обратно сюда же.

– Господи, да на одну дорогу сколько времени уйдет! – в отчаянии произнесла Роза.

– Ну и что.

Она вздохнула – и потянула на себя ремень безопасности, собираясь пристегнуться.

Очень сознательная особа... Значит, она согласна.

Усмехнувшись, Неволин тронулся с места.

– В пробки сейчас попадем... – пробормотала Роза.

– Ничего, проскочим. Какая у тебя машина, интересно?

Она сказала. Неволин удивился – авто явно не из дешевых, сугубо для дам. Чем дальше, тем сильнее Роза его удивляла. Тогда, в Камышах, она показалась ему простой женщиной из пригорода. Сколько у нее еще тайн?

– А что ты делала на Мясницкой?

– По магазинам ходила.

Роза достала из сумки маленькую пеструю коробочку, понюхала.

Неволин мельком глянул – духи. И название какое-то... В духах Неволин совершенно не разбирался.

– «Герлен», – сказала Роза. – Это фирма такая... Помнишь, еще в «Мастере и Маргарите»

Воланд соблазнял женщин духами от «Герлен»?

– Нет, не помню, – покачал головой Неволин.

– Эх ты!

– А что, муж тебе духи не дарит? – с усмешкой спросил он.

– Дарит иногда. Только он очень занятой человек... Я должна быть дома к десяти. Он поздно приходит...

– Ненавижу магазины, – признался Неволин, глядя на дорогу. – Сегодня был в одном. Башмаки искал...

– Очень актуально! – вдруг засмеялась Роза. Неволин не понял – чего это ее так разве-селило?... – Нашел?

– Нет, – насупился он.

Все-таки они застряли в пробке, уже на выезде из города. Они повернулись друг к другу одновременно. Этот странный, ускользающий ее взгляд... «Косенькая... – с печальной нежностью подумал он. – Она – косенькая!»

И это почему-то еще больше привязало его к ней.

– Ты что? – спросила она.

– Я? Ничего. На тебя смотрю...

– И что?

– Ты мне нравишься, – честно ответил он.

– Надо же... – немного смутилась она, а потом оживилась: – А знаешь, в первый раз я о тебе совсем по-другому думала. Думала – фу, какой пропойца...

– Я не такой, – хмуро ответил он.

– Да уж вижу! – засмеялась она, опять обнаружив ямочку. Сзади загудели. – Все, поехали... да поехали же!

Пробка на удивление быстро рассосалась.

* * *

В Камышах она заставила его оставить машину за домом.

– И быстрее, чтобы никто не видел... Погоди, я первая, а потом ты!

– Никого нет, – он выглянул из-за угла. – И вообще, так ты еще больше привлечешь внимание! Веди себя как обычно... Ты – хозяйка дома, а я – будущий жилец. Я пришел посмотреть квартиру, которую собираюсь снять...

– Гениально!

– Именно поэтому Варвара и дала мне твой телефон...

Они скользнули в палисадник. В квартире было тихо, в вечерних лучах солнца, льющегося из окон, вилась золотая пыль, на полу лежали тени от оконных решеток.

Она сняла куртку и в облегающей майке показалась Неволину еще привлекательнее. Худенькой она не была, это определенно, но никаких лишних складок и наслоений тоже не обнаруживалось.

– Ты такая... – прошептал он и немедленно обнял ее. Роза подняла лицо с закрытыми глазами, и он поцеловал ее. Вряд ли Неволин мог объяснить, какая она, он чувствовал только одно – безумный, неудержимый интерес к этой женщине. Надо же, как она зацепила его...

Он целовал ее лицо, шею, руки – Роза безвольно позволяла ему делать все. Эта покорность вкупе с нежностью ее кожи и запахом сломанных цветов сводила его с ума.

Она хотела раздеться сама, но он не дал. Он был рабом и господином одновременно.

– Нет – я! – ревниво сказал он и стянул с нее майку. Осыпал поцелуями ее плечи, мимоходом подивился полупрозрачному, телесного цвета кружевному лифчику. Аккуратно стянул с нее брюки, обнаружил под ними такие же полупрозрачные трусики – в виде коротеньких шортов, ахнул. – Роза...

Он разделся сам, уложил ее на диван и некоторое время просто любовался – так забавно и мило выглядела ее белье, вернее, она в нем. Для начала поцеловал в живот. Потом принялся целовать куда попало, стараясь ничего не пропустить – как будто ничего важнее в мире не было.

– Ты как настоящая... Ты как будто нарисована! Ты как картина...

– Ой, не смейся... – Роза закрыла лицо руками. Локти! Боже мой, какие у нее были нежные локти! И эта косточка на сгибе выглядела столь трогательно, что Неволин переключился на ее руки.

А ноги?! Помнится, он восхищался ее пятками... Неволин скользнул вниз, взял в ладони ее ступни. Поцеловал каждый палец. Особое восхищение у него вызвали маленькие, круглые мизинцы.

– Ну что ты делаешь... – с укором прошептала Роза, попыталась вырваться, но он держал крепко. Ее ступни пахли теплом и обувной кожей – которой, вероятно, были выстланы изнутри ее туфельки.

Потом наступила очередь коленей.

Потом он окончательно ее раздел. О, сколько еще возможностей для поклонения...

Золотая пыль вилась над ними, со всех сторон обступала вечерняя тишина. И каждое прикосновение Розы вызывало у Неволина стон, нарушавший эту тишину.

– Тише... – она зажимала ему рот теплой ладошкой.

Наслаждение было столь острым, что разрывало его изнутри, – вряд ли он что соображал.

Он полностью, абсолютно, до самой последней клеточки растворился в Розе. Он отдал ей всего себя.

– О-о... – через некоторое время, когда к нему снова вернулась способность говорить, произнес он. – Или ничего страшного?

– Ничего... – сказала она.

- Ты уверена?
- Да.
- Ну ладно... – вздохнул он. Лег рядом, прижал ее голову к своей груди. – Роза моя Роза, пирожное с кремом... зефир в шоколаде!
- Что ты такое говоришь? – засмеялась она.
- Я говорю, что ты – зефир в шоколаде.
- Костя...
- Что?
- Я не понимаю, что я делаю... Ты ведь не представляешь, как я буду жалеть! – Она то ли засмеялась, то ли заплакала.
- О чем? – весело спросил он. – Разве тебе было плохо со мной?
- Глупый! – Она стукнула его кулачком по плечу. – Я же не об этом!
- А ты не жалей, – посоветовал Неволин и прижал ее к себе еще сильнее. «А уж как я буду жалеть! Ведь Лиза... Нет, лучше действительно об этом не думать!»
- Некоторое время они лежали молча.
- Так странно... – наконец задумчиво пробормотала Роза уже другим голосом. – Этот дом мне и чужой, и родной – одновременно.
- Давно ты живешь в Москве?
- Лет двадцать уже, – она вздохнула, устроилась поудобней. Ее ресницы щекотали Неволину плечо. – Когда я здесь, мне кажется, будто я попала в свое прошлое. Еще живы родители, я – девчонка, жду, когда за мной зайдет Варька и мы вместе пойдем в школу...
- Варька – это та, которая дала мне твой телефон?
- Ну да...
- погоди, так вы с ней что, ровесницы? – удивился Неволин. Он приподнялся на локте, заглянул Розе в лицо.
- Да.
- Не может быть!
- Почему?
- Потому что ты выглядишь моложе ее!
- Костя, мне сорок лет, – с каким-то мстительным удовольствием произнесла Роза. – И Варьке тоже – сорок!
- Не верю, – строго произнес он. В первый раз Роза действительно показалась ему уставшей, утомленной, немолодой, но теперь все было по-другому.
- А тебе сколько?
- Что – сколько?
- Тебе сколько лет? – с любопытством спросила она.
- Мне тридцать шесть. Но все равно я старше тебя.
- Глупости... Это я старше! – Она даже как будто немного обиделась.
- Перестань, – поцеловал ее Неволин. – Ты не о том. Что ты про Варьку свою рассказывала?..
- Так вот, мы с ней учились в одном классе. С ней и еще Сережкой Козыревым – тот в последнем подъезде живет. Он сейчас алкоголик, а раньше очень приличным мальчиком был. Активист, отличник, староста класса, весь такой правильный... Он, между прочим, мог далеко пойти!
- Ты что, была в него влюблена? – с некоторой ревностью спросил Неволин.
- Нет. У Сережки был небольшой роман с Варькой. Впрочем, не уверена... Я потому так говорю, что Варька, при всей своей болтливости, очень не любит распространяться о своих привязанностях.
- А у тебя разве не было школьного романа? – Неволин пальцем провел по ее шее.

– Был! – охотно согласилась она. – Только это очень грустная история... Я была влюблена в Алика Милютина. Знаешь, он мечтал поступить в мореходку, стать капитаном... Ужасно волновался, что его могут не взять – здоровье у него было отличное, но он немного заикался. Немного. Совсем чуть-чуть! – серьезно добавила она.

– Красивый?

– Кто, Алик? Да, очень. Белокурый, кудрявый. Не высокий, не низкий, не худой, не толстый, такой весь... пропорциональный.

– Мистер Совершенство?.. – засмеялся Неволин.

– Да! – энергично кивнула Роза. – Наверное, ему очень пошел бы морской китель, фуражка и все такое прочее...

– Роза, я ревную! – шутливо пропел он.

– Перестань, – сердито сказала она. – Все кончилось очень плохо.

– Вы поссорились? Твоего Алика не взяли во флот?

– Нет. Хуже. Он умер, – тихо сказала Роза. – Погиб...

– О господи... Почему?

– Упал под электричку. Ты же видел, тут железная дорога недалеко. Причем так странно... Машинист потом утверждал, что Алик буквально прыгнул ему под колеса из-за платформы.

– Самоубийство?

– Да не мог он на себя руки наложить! – с тоской и досадой воскликнула Роза, словно споря со своими давними оппонентами – теми, кто, вероятно, придерживался этой версии. – Не с чего ему было... Другие говорят, что его убили. Нарочно толкнули под поезд. Но это тоже ерунда... У Алика не было врагов – это раз, потом, район у нас хоть и окраинный, но очень тихий (убийства если и бывают, то только по пьяни, на бытовой почве) – это два. Мне кажется, все проще – он споткнулся и упал прямо под колеса. Знаешь, у нас там редко кто пользуется специальным переходом – проще и быстрее перебежать пути, чем тащиться по лестницам, потом делать крюк вокруг станции, чтобы затем вернуться назад...

– Значит, ты сильно переживала из-за его смерти? – тихо спросил Неволин.

– Да. Иногда он мне снится. Правда, очень редко... Большой-большой белый теплоход, и на капитанском мостике – он. В таком роскошном кителе...

– Бедная Роза! – засмеялся Неволин и с нежностью принялся целовать ее. – Не стоит жалеть о том, что не сбылось...

– Я знаю! – сердито сказала Роза, уклоняясь от него. – Но почему-то всегда больше жалеешь о том, что не сбылось!

– А муж? Кто твой муж?..

– Господи, муж! – моментально напряглась она. – Который час?! Мне пора!

– Еще чуть-чуть...

– Какое там «чуть-чуть»! – рассердилась она. – Куда ты все раскидал...

– Погоди, я сам тебя одену...

– Зачем? Я в состоянии сделать это сама...

Собрались они в спешке, выскочили из дома в прозрачных вечерних сумерках – скорей, скорей... Неволину передалось волнение Розы.

– Слушай, он бьет тебя, что ли?

– Кто?

– Да муж твой! Ты его прямо так боишься... – с неприязнью к неизвестному супругу произнес Неволин.

– С ума сошел! У меня очень интеллигентный муж.

...В центре, в одном из переулков возле Мясницкой, Неволин высадил Розу рядом с ее машиной – блестящей, похожей на игрушку.

– Я позвоню тебе?

– Нет. Не надо! – Она посмотрела на него своим ускользящим, странным взглядом. Необычным. Который очень шел ей, придавал особый шарм – только что понял Неволин. И от которого ему почему-то стало трудно дышать.

* * *

Мятлевская строка, воспевающая розы, была использована, кроме Тургенева, еще и русским поэтом Игорем Северяниным. Находясь в эмиграции и тяжело переживая разлуку с родиной, он писал в 1925 году:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.